КОМИКЪ

РАЗСКАЗЪ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

Изданіе Ѳ. Стелловскаго.
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

Цѣна 1 руб. сер.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОЛИТИЧЕСКАГО И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

РУССКІЙ МІРЪ.

Согласно утвержденной программѣ, въ журналъ нашъ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. ПОЛИТИЧЕСКІЙ. II. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ. III. КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ и IV. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Журналъ нашъ, выходя два раза въ недѣлю: по средамъ — брошюрами въ 3 — 4 печатныхъ листа большаго формата и по субботамъ — въ одинъ печатный листъ, всего же въ годъ 102 номера, имѣетъ возможность сообщать извѣстія быстрѣе, нежели всѣ другія изданія, не считая ежедневныхъ газетъ, и равняясь, по объему, большимъ ежемѣсячнымъ изданіямъ, по цѣнѣ (6 р. сер. въ годъ) общедоступенъ.

Всѣ **годовые** подписчики на полученіе въ 1861 г. журнала «Русскій Міръ» получаютъ, въ видѣ **преміи**, безплатно, по выбору: **одинъ** изъ **выпусковъ** предпринятаго уже нами изданія **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“**. Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску, «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ» всѣ годовые подписчики на газету «Русскій Міръ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое означенное изданіе, получать по 1 р. 50 к., а съ пересылкою — по 2 р. сер. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе 2 р. 50 коп. сер.

Выписывающіе журналъ «Русскій Міръ» съ **МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ** получатъ въ теченіе года **50** музыкальныхъ сочиненій, состоящихъ изъ пьесъ для фортепіано въ двѣ и четыре руки, этюдовъ, танцевъ, романсовъ для пѣнія и проч. и, въ видѣ **ПРЕМІИ**, выдана будетъ, на выборъ, одна изъ нижеслѣдующихъ оперъ, въ аранжировкѣ для фортепіано: **АСКОЛЬДОВА МОГИЛА, ТРАВІАТА, ТРУБАДУРЪ, МАРТА** и **СЕВИЛЬСКІЙ ЦЫРЮЛЬНИКЪ.** Желающіе могутъ получать безплатно въ премію, вмѣстѣ оперы, одинъ изъ выпусковъ «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ.»

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На **ГОДЪ**, безъ музыкальныхъ приложеній и безъ доставки . . . . 6 р. с.
Съ доставкою на домъ . . . . 7 —
— пересылкою по почтѣ . . . . 8 —

КОМИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

А. Θ. ПИСЕМСКАГО.

Изданіе Θ. Стелловскаго,
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 9-го ноября 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Въ типографіи Ѳ. Стелловскаго,
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

КОМИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

СОБРАНІЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Нижеслѣдующая сцена происходила въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ Ж. Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ, сидя въ своей прекрасной и даже богатомеблированной гостиной, говорилъ долго, и говорилъ съ увлеченіемъ. Убѣдительныя слова его были, по преимуществу, направлены на сидѣвшаго противъ — высокаго, худаго и косаго господина, который ему возражалъ. Прочіе слушатели были: молодая дѣвица, чрезвычайно мило причесанная,— она слушала очень внимательно; помѣщавшійся невдалекѣ отъ нея толстый и плешивый мужчина, который тоже старался слушать, хоть и зевалъ по временамъ; наконецъ четвертый,—это былъ очень пріятный и очень искренній слушатель; съ самою одобрительною улыбкою онъ внималъ то Аполлосу Михайлычу, то косому господину, смотря по тому, кто изъ нихъ говорилъ. Были, впрочемъ, еще двое собесѣдниковъ, но они совершенно не прислушивались къ общему разговору, сидѣли вдали отъ прочихъ и, должно быть, пересмѣивали тѣхъ. — Это были: молодая дама, стройная и нарядная, и

*

молодой человѣкъ, тоже стройный и одѣтый съ большими претензіями на франтовство.

Толстый мужчина былъ мѣстный судья—Осипъ Касьянычъ Ковычевскій, человѣкъ, говорятъ, необыкновенно практически-умный и великій мастеръ играть въ коммерческія игры; пріятный слушатель—Юлій Карлычъ Вейсборъ. Онъ былъ очень любимъ всѣмъ обществомъ, но, къ несчастію, имѣлъ огромное семейство и притомъ больную жену, которая собственно родинами и истощена была: у нихъ живыхъ было семь сыновей и семь дочерей; но что болѣе всего жалко, такъ это то, что Юлій Карлычъ, по добротѣ своего характера, никогда и ничего не успѣлъ пріобрѣсть для своего семейства, и потому очень нуждался въ средствахъ. Нарядная дама пріѣхала въ городъ лечиться. Это была прелестная женщина, — немного, конечно, важничала и все бредила столицею, въ которой была всего одинъ разъ, и то семи лѣтъ, но, вѣроятно, это проистекало оттого, что она имѣла значительное состояніе. Сидѣвшій рядомъ съ нею молодой человѣкъ приходился хозяину племянникомъ и служилъ въ Петербургѣ въ какомъ-то департаментѣ писцомъ, а теперь пріѣхалъ на три мѣсяца въ отпускъ. Онъ тоже очень восхищался столичною жизнею. Молодая дѣвица была его родная сестра; она воспитывалась и постоянно жила у Аполлоса Михайлыча. Что касается до сего послѣдняго, то всѣ его знакомые о немъ говорили, что онъ былъ человѣкъ большаго ума, чрезвычайной начитанности, высшаго образованія и весьма пріятнаго обращенія. Имѣя значительное состояніе, онъ жилъ всегда въ обществѣ, но не сходился съ нимъ въ главныхъ интересахъ; то есть, рѣши-

тельно не игралъ въ карты, смѣялся надъ танцовальными вечерами, а занимался болѣе искусствами и сочинялъ комедіи. Ко всему этому я долженъ прибавить, что, не смотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ, Дилетаевъ былъ еще очень любезенъ съ дамами и имѣлъ кой-какіе виды на одну вдову, Матрену Матвѣвну Рыжову. Косой господинъ былъ тоже любитель театра, но только собственно трагедіи и драмы. Онъ слылъ въ обществѣ за чудака, но, впрочемъ, имѣлъ порядочное состояніе, держалъ музыку и былъ холостякъ, — имя его Никонъ Семенычъ Рагузовъ.

Споръ между хозяиномъ и косымъ господиномъ зашелъ очень далеко: оба они начали даже кричать.

— Дикая и варварская мысль! произнесъ косой гость.

— Я съ вами уже болѣе не спорю: вы неизлечимы, отвѣчалъ хозяинъ, а спрошу вашего мнѣнія, господа.

— Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ пріятный слушатель.

— А вы? спросилъ Аполлосъ Михайлычъ, обращаясь къ плешивому мужчинѣ.

— Вы говорите на счетъ комедіи? спросилъ тотъ.

— Да, на счетъ комедіи. Я говорю, что это тоже высшій сортъ искусства.

— Ваша правда, дѣйствительно высшій сортъ.

Косой господинъ вскочилъ,

— Драму-то вы, милостивые государи, воскликнулъ онъ, куда дѣваете? Какъ вы драму-то уничтожаете съ вашей комедіей?

— Опять вы не понимаете того, что вамъ говорятъ, возразилъ хозяинъ. Никто и не думаетъ

уничтожать вашей драмы. Мы сами очень любимъ и уважаемъ драматическіе таланты; но въ тоже время понимаемъ и комедію, говоримъ, что и комедія есть тоже высокое искусство.

— Да, искусство, но только балаганное, замѣтилъ насмѣшливо косой господинъ.

Хозяинъ покатился со смѣху.

— Ну, Никонъ Семенычъ, сказалъ онъ, махнувъ рукою, вы говорите такія уморительныя вещи, что вамъ даже и возражать нечего, а надобно только смѣяться.

Никонъ Семенычъ поблѣднѣлъ.

— Смѣяться я самъ умѣю громче вашего, но не смѣюсь, хотя ваши мнѣнія и дерутъ мнѣ уши, возразилъ онъ.

— Мои мнѣнія не могутъ драть ни чьихъ ушей, перебилъ хозяинъ: я ихъ высказывалъ въ столицахъ, и высказывалъ людямъ, понимающимъ театръ. И наконецъ: я мои мнѣнія, Никонъ Семенычъ, печаталъ и даже совѣтовалъ бы вамъ ихъ прочесть—они во многомъ могутъ исправить ваши понятія.

— Я ужь старъ учиться, особенно по вашимъ печатнымъ мнѣніямъ.

— Учиться никогда непоздно... Вотъ это мнѣ въ васъ и непріятно: вмѣсто того, чтобы хладнокровно разсуждать о нашемъ дѣлѣ, вы припутываете вашу личность и говорите потомъ дерзости! Я, конечно, вамъ извиняю, потому что вы человѣкъ энергическій, съ пылкими страстями и воображеніемъ, однимъ словомъ—Богъ вамъ судья—вы трагикъ, но, во всякомъ случаѣ, не мѣшайте дѣла съ бездѣльемъ.

— Кто-жь вамъ мѣшаетъ? что вы хотите этимъ

сказать? перебилъ косой господинъ. Вамъ самимъ было угодно пригласить меня сегодня на вечеръ, и я, кажется, сейчасъ-же могу освободить васъ отъ моего присутствія.

— То-то вотъ и есть, что вы все сердитесь, а хорошенько не хотите выслушать, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. Дѣло наше очень просто и не головоломно: мы затѣваемъ благородный спектакль—во-первыхъ, для собственнаго удовольствія, во-вторыхъ, для удовольствія нашихъ знакомыхъ, и наконецъ, чтобы благороднымъ образомъ сблизить общество и дать возможность нѣкоторымъ талантамъ показать себя; но мы прежде всего должны вспомнить, что у насъ очень бѣдны матеріальныя средства · у насъ нѣтъ залы, мало денегъ, очень неполонъ оркестръ. Принявъ все это въ разсчетъ, мы и говоримъ, что должны играть какую-нибудь хорошую, но не многосложную комедію. — Справедливо ли я, господа, говорю? заключилъ хозяинъ, обращаясь къ слушателямъ.

Господа, за исключеніемъ косаго, кивнули, въ знакъ согласія, головою.

— Играйте безсмысленные водевили, кто вамъ мѣшаетъ! произнесъ Никонъ Семенычъ.

— Нѣтъ-съ, мы не водевили будемъ играть, но, какъ люди образованные, можемъ сыграть піесы изъ хорошаго круга. Я предлагаю мою комедію, которую всѣ вы знаете и которая нѣкоторымъ образомъ одобрена вами, а въ заключеніе спектакля, мы дадимъ нѣсколько явленій изъ *Женитьбы* Гоголя — пресмѣшной фарсъ, — я видѣлъ его въ Москвѣ и хохоталъ до упаду.

— Я не могу участвовать, сказалъ трагикъ.

— Отчего же не можете? Для васъ именно въ этомъ-то фарсѣ и есть прекрасная роль, которую вы отлично сыграете. Это роль Кочкарева— этакого живаго, смѣшнаго чудака. Въ васъ самихъ много живости и рязвязности: говорите вы вообще громко и рѣзко.

— Благодарю васъ за опредѣленіе моего амплуа, перебилъ обиженно-насмѣшливымъ голосомъ трагикъ, но только я не принимаю на себя этой чести. Дураковъ я никогда не игралъ и не понимаю ихъ, да и не знаю, стоитъ ли труда заниматься этими ролями.

— Я одного только не понимаю, началъ хозяинъ,—о чемъ вы безпокоитесь. Я прежде вамъ говорилъ и теперь еще повторяю, что собственно для васъ мы согласны поставить сцену или двѣ изъ Гамлета, напримѣръ—сцену его съ матерью: комната простая и небольшая; стоитъ только къ нашей голубой декораціи придѣлать занавѣсъ, за которымъ долженъ будетъ кто-нибудь лежать Полоніемъ. Дарья Ивановна сыграетъ мать; вы—Гамлета—и прекрасно!

— Что вы такое говорите, Аполлосъ Михайлычъ, я сыграю? спросила сидѣвшая вдали дама.

— Я говорю, что вы сыграете, въ сценѣ съ Никономъ Семенычемъ, Гертруду, мать Гамлета.

— Помилуйте, я ничего не умѣю играть! Клянусь вамъ честію, я съ перваго же слова расхохочусь до истерики.

— Вы будете смѣяться, а этотъ господинъ плакать,—это будетъ удивительно эффектно, замѣтилъ шопотомъ, сидѣвшій около нея, молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, вы ужь не извольте отказываться! Вы сыграете, и сыграете отлично, возразилъ хозяинъ.

Ваша наружность, ваши манеры — все это какъ нельзя лучше идетъ къ этой роли.

Трагикъ, слушавшій эти переговоры съ нахмуреннымъ лицомъ, всталъ и взялся за шляпу.

— Куда же вы? спросилъ хозяинъ.

— Нужно-съ домой, отвѣчалъ гость.

— Вы все сердитесь, но за что же? для васъ ужь есть піеса, гдѣ вы можете себя показать.

— Я не хочу себя показывать въ какой-нибудь выдернутой сценѣ, въ которой я долженъ буду плакать, а на мои слезы станутъ отвѣчать смѣхомъ.

— Но согласитесь, любезный Никонъ Семенычъ, по-крайней-мѣрѣ съ тѣмъ, что не можемъ-же мы поставить цѣлую драму.

— Я противъ этого и не спорю. Нельзя поставить драму, а я не могу играть; потому что мое амплуа чисто драматическое, и потому что я съ вами никогда не соглашусь, чтобы ваша комедія была высшій сортъ искусства.

— Объ этомъ я уже съ вами говорить не хочу. Въ этомъ отношеніи, какъ я и прежде сказалъ, вы неизлечимы; но будемте разсуждать собственно о нашемъ предметѣ. Цѣлой драмы мы не можемъ поставить, потому что очень бѣдны наши матеріальныя средства, — сцены одной вы не хотите. Въ такомъ случаѣ составимте дивертисманъ, и вы прочтете что-нибудь въ дивертисманѣ драматическое, напримѣръ: *Братья разбойники*, или что-нибудь подобное.

— Кто же будетъ играть другихъ разбойниковъ? спросилъ трагикъ, которому, видно, понравилась эта мысль.

— Въ разбойникахъ мы не затруднимся. Разбойниками могутъ быть и Юлій Карлычъ, про-

изнесъ хозяинъ, указывая на пріятнаго слушателя, и Осипъ Касьянычъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ толстому господину, наконецъ вашъ покорный слуга и Мишель, заключилъ Аполлосъ Михайлычъ, кивнувъ головой на племянника.

— Эта роль безъ словъ, mon oncle? спросилъ тотъ.

— Конечно безъ словъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Всякую безсловесную роль я принимаю на себя съ величайшимъ удовольствіемъ, и даже отлично сыграю, отнесся молодой человѣкъ къ молодой дамѣ и захохоталъ.

— Вотъ вамъ и цѣлая коллекція разбойниковъ, продолжалъ съ удовольствіемъ хозяинъ. Въ задніе ряды мы даже можемъ поставить людей, чтобы толпа была помноголюднѣе.

— Дѣло не въ томъ, возразилъ Никонъ Семенычъ. Мнѣ кажется, что эффекту мало будетъ; не отчего ожидать этихъ прекрасныхъ драматическихъ вспышекъ.

— Что это вы говорите, воскликнулъ Аполлосъ Михайлычъ, какъ нѣтъ драматическихъ вспышекъ, когда вся піеса есть превосходная, драматическая вспышка! Съумѣйте только, почтеннѣйшій, какъ говоритъ Фамусовъ, прочесть ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой....

— За этимъ дѣло не станетъ. Прочитать—мы прочитаемъ, отвѣчалъ Рагузовъ; но я боюсь еще, какъ публика пойметъ? кто у насъ будетъ публика?

— Публика пойметъ, отвѣчалъ хозяинъ, потому что публика въ этомъ дѣлѣ всегда и вездѣ самый справедливый судья. Эту мысль я высказалъ даже въ моей статьѣ о В.......мъ театрѣ. Сверхъ того у насъ будутъ люди и понимающіе нѣчто, напримѣръ: Александръ Александрычъ съ семействомъ,

Веснушкинъ, чудакъ Котаевъ. Эти люди, Никонъ Семенычъ, видятъ далеко! Въ дивертисманѣ вашемъ Дарья Ивановна пропоетъ своимъ небеснымъ голоскомъ свой chef d'oeuvre—*осѣдлаю коня;* Фани протанцуетъ качучу.

— Я ее, mon oncle, совсѣмъ забыла, проговорила молодая дѣвушка.

— Ты не могла ее, моя милая, забыть, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ, потому что ты только прошлаго года изучила ее въ Москвѣ. Впрочемъ застѣнчивость, въ этомъ отношеніи, mon ange, даже смѣшна.

— Но, mon oncle, я не балетчица, а актриса.

— Все это я очень хорошо знаю, chère Fany; но все-таки тебѣ стоитъ только вспомнить то соло, которое ты танцовала въ Москвѣ въ благородномъ балетѣ, то и этого уже будетъ весьма достаточно, а кромѣ того, ты не должна уже отказываться и потому, что это необходимо для полноты спектакля.

Трагикъ, все еще остававшійся въ дурномъ расположеніи духа, всталъ.

— Доброй ночи, сказалъ онъ.

Хозяинъ началъ-было его упрашивать досидѣть артистическій вечеръ, но гость уѣхалъ.

— Удивительно, какого несноснаго характера! сказалъ Аполлосъ Михайлычъ, пожавъ плечами, по уходѣ трагика. Не глупый бы человѣкъ, но съ самыми непріятными странностями—всегда и вездѣ хочетъ, чтобы дѣлалось по его. По способностямъ своимъ—комическій актеръ, и даже актеръ не дурной, а воображаетъ себя трагикомъ, и трагикомъ въ родѣ Мочалова. Когда ему начнешь что-нибудь говорить или читать, онъ никогда и ничего не слушаетъ, а требуетъ только, чтобъ

его чтеніемъ восхищались. Недѣли двѣ тому, кажется, назадъ явился ко мнѣ съ своимъ Шекспиромъ—этакія маленькія синенькія книжки, и началъ читать—просто, сдѣлалъ пытку! Вообразите себѣ—слушать двѣнадцать часовъ прозу, произносимую самымъ непріятнымъ прононсомъ и сопровождаемую самыми рѣзкими движеніями!

— Я говорила вамъ, mon oncle, чтобы вы его не приглашали, замѣтила племянница.

— Нельзя, мой другъ! во-первыхъ,—его музыканты: не пригласи — осердится и не дастъ оркестра, а безъ музыки, ты сама знаешь, спектакля не бываетъ; а во-вторыхъ, онъ и актеръ порядочный. Впрочемъ, господа, лучше потолкуемте о дѣлѣ; позвольте мнѣ представить вамъ маленькій ярлычокъ. Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ вынулъ изъ кармана небольшую бумагу и продолжалъ: въ піесѣ моей роль виконта играю я; гризетку Фани,—она эту роль прекрасно изучила; нечего конфузиться!.. я въ этомъ дѣлѣ строгъ: дурно, такъ дурно, а хорошо, такъ хорошо; на роль маркизы я приглашу Матрену Матвѣвну — немного черезъ-чуръ полна, но это ничего: она довольно ловка! Потомъ-съ: нѣкоторыя сцены *Женитьбы*. Вотъ тутъ маленькая заковычка: дѣйствующихъ лицъ много — нынѣшніе писатели вообще любятъ толпу, которая только въ большихъ труппахъ возможна. Между нами сказать, я бы этой піесы никогда не поставилъ: какой-то тривіальный фарсъ... смѣшна и больше ничего; но мнѣ хочется это сдѣлать для столицы,—въ Москвѣ она очень всѣхъ смѣшила; придется, можетъ быть, своимъ знакомымъ написать, что у насъ былъ спектакль, давали *Женитьбу*, тамъ этого и до-

вольно: всѣ восхитятся! Въ этой шуткѣ я думаю раздать роли такимъ образомъ: невѣсту будетъ играть Фани, сваху—Матрена Матвѣвна, она будетъ чуднѣйшая сваха!—Экзекутора сыграете вы, Осипъ Касьянычъ.

— Нѣтъ ужь, Аполлосъ Мыхайлычъ, меня, сдѣлайте милость, освободите: я право никогда не игрывалъ на театрахъ и вовсе никакого желанія не имѣю-съ, отвѣчалъ тотъ.

— Полноте пустяки говорить, мой почтеннѣйшій, возразилъ хозяинъ. — Роль маленькая: на какихъ-нибудь трехъ страницахъ. Моряка сыграетъ Юлій Карлычъ. — Эта роль очень добрая: лицо надобно имѣть веселое, съ пріятной этакой улыбкой. Она очень будетъ вамъ по характеру. Кочкарева сыграетъ нашъ великій трагикъ, а Мишель—Анучкина.

— А тутъ, mon oncle, надо будетъ говорить? спросилъ племянникъ.

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ слуга покорный, я рѣшительно отказываюсь отъ всѣхъ словесныхъ ролей, отвѣчалъ Мишель.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться, если я этого хочу.

— Помилуйте, mon oncle! Вы захотите, чтобы я на канатѣ плясалъ, возразилъ племянникъ, такъ и долженъ я лѣзть на канатъ и сломать себѣ голову.

— И очень бы хорошо сдѣлалъ, если бы въ самомъ дѣлѣ сломалъ и досталъ бы гдѣ нибудь поисправнѣе!... Какъ ты можешь не хотѣть участвовать въ томъ дѣлѣ, въ которомъ участвуетъ все общество, въ которомъ, наконецъ, участвуютъ твоя сестра и дядя?

— Что-жь такое сестра и дядя? возразилъ Мишель.

— Какъ что такое сестра и дядя?... Ахъ ты, безсмысленный повѣса! Для него ничего не значатъ сестра и дядя; да самъ ты что за великій человѣкъ? Не потому ли развѣ, что въ департаментѣ бумаги подшивать выучился, невѣжа глупый.

— Вы можете сердиться сколько вамъ угодно, а я не буду играть, сказалъ молодой человѣкъ и ушелъ въ залу.

— Дѣло въ томъ, господа, началъ, поуспокоившись, хозяинъ: намъ не достаетъ актера на главную роль — на Подколесина. Я вотъ третью ночь не сплю и все думаю объ этомъ; намекнулъ было сначала на Харитонова, по наружности бы очень шелъ: толстъ, неуклюжъ, лицо этакое дряблое — очень былъ бы хорошъ; нарочно даже въ деревню къ нему ѣздилъ, но неудача: третью недѣлю въ водяной умираетъ. Хотѣлъ было напасть на учителя ариѳметики, — тоже былъ бы приличенъ, — смирный, тихій, но отказывается, — говоритъ, что ничего не можетъ сыграть, особенно въ дамскомъ обществѣ. Хотѣлъ было завербовать аптекаря, наружностію тоже подходитъ къ роли и играть бы согласился съ удовольствіемъ, но, къ несчастію, по-русски ужасно дурно говоритъ, да и отъ природы картавъ.

— Я знаю одного актера, заговорилъ Юлій Карлычъ, только угодно ли будетъ вамъ его принять?

— Сдѣлайте милость!... почему же не принять? возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Слабость имѣетъ большую: пьяница, говорятъ, и пьяница-то запойная.

— Что же онъ, по-крайней-мѣрѣ, за человѣкъ? спросилъ хозяинъ.

— Человѣкъ онъ не важный, здѣсь въ питейной конторѣ служитъ.

— Какимъ же образомъ вы узнали, что онъ хорошій актеръ?

— Нынче лѣтомъ у меня Саша изъ гимназіи пріѣзжалъ, такъ сказывалъ, что онъ гдѣ-то на вечерѣ, подгулявъ, что-ли, читалъ имъ какое-то сочиненіе: такъ, говоритъ, уморилъ всѣхъ со смѣху. Саша даже мнѣ все его передразнивалъ.

— Нельзя ли мнѣ какъ нибудь показать его? Я бы испыталъ его на Подколесинѣ.

— Въ этомъ-то и трудность, Аполлосъ Михайлычъ, онъ ведетъ очень странную жизнь: или сидитъ дома около жены, которой, говорятъ, ужасно боится, или безобразно пьянъ.

— Господи, Боже мой, какое несчастіе! по-крайней-мѣрѣ можно ли его какимъ нибудь образомъ вызвать изъ дому трезваго? не цѣлый же день онъ пьянъ.

— Вы напрасно, Юлій Карлычъ, вмѣшался въ разговоръ Осипъ Касьянычъ, даете Аполлосу Михайлычу такой совѣтъ. Вы, вѣроятно, говорите о Рымовѣ? Помилуйте, я его знаю: онъ человѣкъ совершенно потерянный; я полагаю, что это даже будетъ неприлично и, вѣроятно, дамамъ непріятно.

— Какъ это сказать, Осипъ Касьянычъ, возразилъ хозяинъ, что будетъ неприлично и непріятно дамамъ? Въ искусствѣ не должно существовать личностей.

— Какъ вамъ угодно, Аполлосъ Михайлычъ, я сказалъ только мое мнѣніе.

— Очень вамъ благодаренъ; но мы теперь раз-

суждаемъ не о томъ, что это за человѣкъ, а какой онъ актеръ.

— Актеръ превосходный, мнѣ Сашинька сказывалъ, подхватилъ Юлій Карлычъ.

— Много вашъ Сашинька понимаетъ, перебилъ Осипъ Касьянычъ.

— Да я ничего и не говорю и сказалъ только свое мнѣніе. Моего Сашеньку тутъ вамъ трогать нечего.

— Васъ никто съ вашимъ Сашинькой и не трогаетъ, а говорятъ о Рымовѣ, да о дамахъ, которыя не захотятъ съ нимъ играть.

— Нѣтъ, Осипъ Касьянычъ! при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я долженъ сказать, что вы говорите недѣло: наши дамы выше этихъ мелочей, перебилъ хозяинъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ судья, ваше дѣло.

Въ залу, куда ушелъ молодой человѣкъ, вскорѣ за нимъ вышла и молодая дама.

— О чемъ вы мечтаете? спросила она, подходя къ нему.

— Я не мечтаю, но я взбѣшенъ на этого стараго хрыча.

— Не сердитесь на него, онъ васъ любитъ.

— Sacre Dieu! что мнѣ въ его любви?... помѣшался самъ на театрѣ и хочетъ всѣхъ сдѣлать актерами. Очень весело учить какую-нибудь дрянь наизусть, пачкать лицо и тому подобныя дѣлать глупости.

— Что-жь такое? ничего, за то все общество будетъ вмѣстѣ. На репетиціяхъ будетъ очень пріятно: мы съ вами будемъ сидѣть, разговаривать, смѣяться.

— Да, конечно, въ такомъ случаѣ это будетъ очень пріятно, но я думалъ, что вы не захотите играть.

— Нѣтъ, отчего же не играть? съѣзжаемся же на вечера. Роли, конечно, я не стану учить, а выйду, да постою.

— Вамъ можно это дѣлать, Дарья Ивановна; но меня онъ будетъ заставлять учить и ломаться.

— А вы не учите; выйдите, постойте, да и уйдите.

— Я съ нимъ сдѣлаю штуку. На репетиціяхъ буду, а какъ надобно будетъ играть, и притворюсь больнымъ. Ахъ, только, какъ я посмотрю, какая у васъ здѣсь, противъ Петербурга, ужасная жизнь: ни воксаловъ, ни собраній, ни гуляньевъ, а только затѣваютъ какіе-то дурацкіе театры.

— Что дѣлать!—провинція. Что нынче больше танцуютъ въ Петербургѣ?

— Передъ моимъ отъѣздомъ вошла въ моду полька tremblante.

Послѣ этого разговора, дама скоро уѣхала, а молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ въ комнату.

Два собесѣдника Аполлоса Михайлыча, судья и Юлій Карлычъ, не смотря на происшедшую между ними маленькую размолвку, вмѣстѣ простились съ хозяиномъ, вмѣстѣ вышли и даже сѣли въ одинъ экипажъ.

— Ну, оттерпѣлся! произнесъ Осипъ Касьянычъ: даетъ же Богъ этакимъ скотамъ состояніе, продолжалъ онъ; вмѣсто того, чтобы тѣшить общество приличнымъ образомъ, давать бы, при этакихъ средствахъ, обѣды, вечера картежные, такъ нѣтъ, точно бѣлены объѣлся: театръ играть вздумалъ; экихъ актеровъ нашелъ; а поди, откажись,

такъ еще непріятность какую-нибудь сдѣлаетъ. Вотъ сегодня надо было у Алмазова партію составить, — вотъ тебѣ и партія, просидѣлъ на дурацкомъ вечерѣ, да и только... Обоихъ бы ихъ съ Рагузовымъ на одну осину, проклятыхъ, повѣсить; тотъ хоть по-крайней-мѣрѣ самъ благуетъ, а этотъ еще другихъ ломаться заставляетъ на его потѣху. Удивительно, какое скотство!

— Ужь не говорите лучше, Осипъ Касьянычъ, произнесъ Юлій Карлычъ: вонъ у меня жена больна, письмо надобно было писать; а что дѣлать — просидѣлъ вечеръ.

— Ну, ужь и вы-то хороши съ вашимъ смѣшнымъ характеромъ: актера тамъ ему пріискали — какого-то пьяницу. Я молилъ Бога, чтобы и тѣ-то разбѣжались, а вы еще новыхъ отыскиваете.

— Нельзя, почтеннѣйшій, ей-Богу, нельзя! Войдите вы въ мое положеніе! на прошлой недѣлѣ занялъ у него триста рублей: вы сами вотъ говорите, что нельзя отказаться, потому что непріятности станетъ дѣлать.

Фани болѣе всѣхъ сочувствовала дядѣ; она, еще при гостяхъ, ушла въ наугольную комнату и, при лунномъ свѣтѣ, начала повторять качучу, которую должна была танцовать въ дивертисманѣ.

Никонъ Семенычъ, пріѣхавъ домой, тотчасъ же взялся за поэму Пушкина: *Братья разбойники*. Сначала онъ читалъ ее про себя; потомъ, одушевившись, принялся произносить вслухъ, и затѣмъ, вскочивъ, воскликнулъ:

«О юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, опасность презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.»

Единственный зритель его декламаціи, огромная лягавая собака, смотрѣвшая сначала на господина своего какими-то ласковыми глазами, на этомъ мѣстѣ, будто бы вмѣсто аплодисмана, начала на него лаять; но трагикъ не обратилъ вниманія, продолжалъ и докончилъ всю поэму вслухъ.

II.

КОМИКЪ И АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Рымовъ, о комическомъ талантѣ котораго такъ выгодно отзывался Юлій Карлычъ, былъ такое незначительное въ городѣ лицо, что о немъ никто и нигдѣ почти не говорилъ; а если кто и зналъ его, то съ весьма невыгодной стороны: его разумѣли запойнымъ пьяницей. Въ контору и обратно онъ ходилъ почти всегда въ сопровожденіи жены, которая, будто-бы, дома держала его на привязи; но если ужь онъ являлся на улицѣ одинъ, то это прямо значило, что загулялъ, и въ это время былъ совершенно съумасшедшій: онъ всходилъ на городской валъ, говорилъ что-то къ озеру, обращался къ заходящему солнцу и къ виднѣющимся вдали лугамъ, потомъ садился, плакалъ, заходилъ въ трактиръ и снова пилъ неимовѣрное количество всякой хмѣльной дряни, врывался иногда насильно въ домъ къ Нестору Егорычу, одному именитому и почтенному купцу, торгующему кожами, и начиналъ говорить ему, что онъ мошенникъ, подлецъ и тому подобное. Его, разумѣется, выталкивали, и такимъ образомъ онъ шлялся весь день, жалкій и безобразный, до тѣхъ поръ, покуда не ловила его Анна Сидоровна (его жена)

*

и не уводила съ помощію добрыхъ людей домой. Что она потомъ предпринимала, неизвѣстно, но только Рымовъ исправлялся и начиналъ ходить опять въ контору. — Въ трезвомъ состояніи онъ былъ очень молчаливъ и отчасти суровъ; съ товарищами и подчиненными почти не говорилъ ни слова, и даже главному управляющему и самому откупщику отвѣчалъ только на вопросы.

На другой день послѣ собранія любителей, въ самомъ отдаленномъ концѣ города, въ маленькомъ флигилькѣ, во второй его комнатѣ, на двухспальной кровати, лежалъ внизъ лицомъ мужчина, и тутъ же сидѣла очень толстая женщина и гладила мужчину по спинѣ. Это была чета Рымовыхъ.

— Витя, а Витя! опять съ тобою, мамочка, тоска; развѣ не проходитъ отъ глаженья? у тебя прежде отъ этого проходило, говорила Анна Сидоровна.

— Прошло... лучше... поди, Анюта, проговорилъ Витя.

— А ты пойдешь со мной? спросила та.

— Нѣтъ, я полежу, усталъ что-то.

— Ну такъ и я здѣсь посижу.

— Нѣтъ, ступай! мнѣ жарко отъ тебя.

— Завтра я, мамочка, непремѣнно схожу къ лекарю и попрошу у него чего-нибудь для тебя. Какъ тебѣ нестыдно такъ запускать болѣзнь?

— Ну, ладно, ступай!.. поди, пожалуйста, сдѣлай мнѣ къ обѣду окрошки.

— Да какъ же ты, мамочка, останешься одинъ? тебѣ будетъ скучно!

— Ничего... я полежу... поди, Анюта!

— Да Витя, мнѣ самой-то не хочется отъ тебя отойдти.

— Послѣ насидишься — ступай, пожалуйста.

Анюта нехотя встала, чмокнула Витю въ затылокъ и вышла. Тотчасъ же по уходѣ ея Рымовъ всталъ, потянулся и сѣлъ. Наружность его въ самомъ дѣлѣ была комическая: на широкомъ, довольно, впрочемъ, выразительномъ и подвижномъ лицѣ сидѣлъ какой-то кривой носъ; глаза слабые, улыбка только на одной половинѣ, устройство головы угловатое и развитое на верхней части затылка.

«Еще годъ такой жизни, и я со всѣмъ сблагую: чортъ знаетъ что такое эти женщины! Для мужчинъ хоть время, хоть возрастъ существуетъ, а для нихъ и того нѣтъ! Бабѣ давно за сорокъ, а она все нѣжничаетъ — да еще и ревнуетъ! Не глядѣлъ бы ни на что, право. Что я теперь за человѣкъ? — Пьяница и больше ничего: трезвый тоскую, а пьяный глупости творю... Опять развѣ на театръ махнуть?.. Нѣтъ, чортъ возьми!.. нѣтъ!.. воскликнулъ уже въ слухъ Рымовъ, махнувъ рукою, какъ бы желая отогнать отъ себя дьявольское навожденіе. Каково было у Григорьева-то въ труппѣ? продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собой, да и публика-то хороша, нечего сказать; мерзавкѣ Завьяловой хлопаютъ, да цвѣты кидаютъ, а надъ тобой только смѣются, да еще говорятъ, что мало играешь! играй вотъ имъ въ каждомъ дурацкомъ водевилѣ, паясничай — такъ и хорошо. Что тамъ ни говори, а старуха моя право лучше всѣхъ для меня: влюблена даже въ мою физіономію — вотъ этого, признаюсь, я никакъ не понимаю. Ну, да вправду и она не красива лицомъ, а привыкъ, удивительно привыкъ!»

Анюта возвратилась и съ самою пріятною улыб-

кою разостлала салфетку и поставила окрошку. Все это она исполняла проворно, потому что, не смотря на полноту, была очень поворотлива и имѣла извѣстную частоступчатую походку, съ небольшимъ развальцемъ, какъ обыкновенно ходятъ ожирѣвшіе сангвиники.

— Кушай, мамочка, я послѣ пообѣдаю, проговорила она.

Витя нехотя началъ болтать въ тарелкѣ ложкою. Анна Сидоровна встала около него; одною рукою она подперлась въ бокъ, а другою обняла шею мужа, — такимъ образомъ импровизированная живая картина была очень интересна. Представьте себѣ сидящаго Рымова, съ описанною мною физіономіею, и физіономіею, имѣющею самое мрачное выраженіе, въ засаленномъ и полуизорванномъ кашемировомъ халатѣ и обнимающую его — полную даму, съ засученными рукавами. Въ положеніи Анюты было даже нѣсколько кокетства; по-крайней-мѣрѣ она какъ-то чрезвычайно странно свернула голову на бокъ и очень нѣжно смотрѣла своими маленькими заплывшими глазами на мужа. Рымовъ съѣлъ нѣсколько ложекъ, потомъ взглянулъ въ висящее противъ него зеркало, улыбнулся, махнулъ рукой и всталъ.

— Что-же ты, Витя, всталъ?

— Не хочу больше ничего.

— А чему ты, мамочка, смѣешься?

— Такъ, ничему... Славныя мы съ тобой фигуры, отвѣчалъ тотъ.

— Что-же такое, мамочка! Ты хорошъ... право хорошъ! Вонъ у тебя, душка, какой носикъ! Дай я тебѣ его поцѣлую... и Анюта поцѣловала носикъ. Рымовъ сдѣлалъ гримасу.

— Странная ты баба, проговорилъ онъ, качая головой и ложась опять на постель.

— Вотъ ужъ у тебя сейчасъ и странная: самъ странный!

— Страненъ я только не въ томъ.

— А зачѣмъ же, когда я ѣздила въ Кузмищево, такъ ты по мнѣ тосковалъ?

— Ты почему знаешь?

— Мнѣ одинъ человѣчикъ сказывалъ.

— Совралъ тебѣ человѣчикъ!

Анюта сѣла опять на кровать, схватила Рымова за подбородокъ и вдругъ поцѣловала его.

— Перестань, съумасшедшая, выдумала съ поцѣлуями... проговорилъ тотъ съ досадою, вставая съ постели.

— Куда же ты, мамочка?

— Да такъ... все лижешься... молоденькая какая! пусти... я ходить хочу.

Рымовъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Анна Сидоровна, сложивъ руки, слѣдовала за нимъ глазами.

— Одного у насъ, Витя, съ тобою нѣтъ — право! какъ-бы это было, ты бы меньше скучалъ.

— Что такое?

— Дѣтей, мамочка! Хоть-бы одного въ цѣлую жизнь Богъ далъ на радость!

Рымовъ усмѣхнулся.

— Ты бы, мамочка, очень его любилъ?

Рымовъ не отвѣчалъ.

— Вдругъ, Витя, у насъ родится что-нибудь?

— Перестань, пожалуйста, болтать — мелешь Богъ знаетъ что. Бабѣ за сорокъ, а думаетъ еще родить.

— Гдѣ же, Витичка, за сорокъ?

— Сколько же?

— Тридцать два года всего, отвѣчала, потупившись, Анна Сидоровна.

— Ахъ, ты, съумасшедшая! сто лѣтъ замужемъ и все ей тридцать два.

— Какъ же сто? Всего пятнадцать.

— Ну, пятнадцать! Да замужъ вышла двадцати пяти.

— Это кто вамъ сказалъ, что двадцати пяти! Всего семнадцати лѣтъ.

— Ну, ладно: отвяжись!

— Ты все, мамочка, меня обижаешь; какъ надъ какой-нибудь дурой все смѣешься. Измѣнялъ нѣсколько разъ, такъ ужь конечно жена не можетъ нравиться. Не скучайте, Викторъ Павлычъ! можетъ быть нынѣшнюю зиму Богъ и приберетъ меня; будете свободны — женитесь пожалуй! Возьмете молоденькую, а я буду лежать въ сырой землѣ.

При послѣднихъ словахъ, Анна Сидоровна заплакала.

— Тфу, ты, дурацкая баба, проговорилъ Рымовъ и плюнулъ.

— Плюйте, Викторъ Павлычъ! Богъ съ вами, плюйте! Я ужь давно вами оплеванная живу.

— Да ты хоть кого выведешь изъ терпѣнья: или цѣлуется, какъ дѣвчонка какая, или капризится. Ревность съѣла!... Къ кому матушка? и людей-то никого не вижу, — весь всегда передъ тобой.

— А прежде-то что ты дѣлалъ на этомъ мерзкомъ театрѣ? прежде-то, какъ измѣнялъ, — это забылъ?

— Ну, да, какъ-же! очень всѣмъ нужно было меня. Тебѣ еще мало, что меня душитъ цѣлые дни тоска, — мало этого, что бываютъ минуты

хоть рѣзаться, произнесъ Рымовъ и бросился на кровать.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Мамочка, что это ты говоришь, начала Анна Сидоровна, вставая и подходя къ мужу. Зачѣмъ ты это говоришь? я думаю страшно.

— Страшно? Нѣтъ, моя милая, не умереть, а жить, какъ я живу, страшно.

Анна Сидоровна опять сѣла на постель.

— Витичка! что это такое? я лучше сама за тебя умру!

Комикъ отворотился къ стѣнѣ и началъ чрезвычайно впечатлительнымъ голосомъ: «Умереть!... уснуть!... но можетъ станешь грезить въ томъ чудномъ снѣ, откуда нѣтъ возврата, нѣтъ пришлецовъ!...»

Анна Сидоровна сидѣла, подгорюнившись.

Послышался въ сѣняхъ сильный стукъ.

— Кто-то, должно быть, пріѣхалъ, воскликнула Анна Сидоровна, вскочивъ.

— О, чортъ бы дралъ! проговорилъ Рымовъ и захлопнулъ дверь.

Въ первой комнатѣ кто-то кашлялъ.

— Поди, мамочка, какой-то мужчина, сказала Анна Сидоровна, заглянувъ въ щелку.

Рымовъ съ досадою надѣлъ пальто и вышелъ. Передъ нимъ стоялъ Аполлосъ Михайлычъ.

Разговоръ нѣсколько минутъ не начинался.

Дилетаевъ былъ пораженъ наружнымъ видомъ комика, который дѣйствительно былъ очень разтрепанъ; стоявшіе торчками во всѣ стороны волосы были покрыты пухомъ; изъ-подъ изношеннаго пальто, застегнутаго на двѣ только пуговицы, выбивалась грязная рубашка; галстуха совсѣмъ

не было; брюки вздернулись и тоже всѣ были перепачканы въ пуху.

— Честь имѣю кланяться, заговорилъ, наконецъ, Аполлосъ Михайлычъ; не обезпокоилъ ли я васъ; вѣроятно, вы отдыхали послѣ обѣда?

— Да-съ, отвѣчалъ Рымовъ.

— Не знаю, нужно ли мнѣ рекомендоваться вамъ; но впрочемъ... Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ.

Хозяинъ поклонился, гость сѣлъ и, опершись на свою палку, началъ слѣдующимъ образомъ:

— Первоначально, позвольте узнать ваше имя и отечество?

— Викторъ Павлычъ.

— Вчерашній день, Викторъ Павлычъ, я имѣлъ удовольствіе слышать о васъ чрезвычайно лестные отзывы; но, предварительно, считаю нужнымъ сообщить вамъ нѣчто о самомъ себѣ; я немного поэтъ, поэтъ въ душѣ. Поэтъ, такъ сказать, по призванію. Не служа уже лѣтъ пять и живя въ деревенской свободѣ, — я бесѣдую съ музами. Все это вамъ потому сообщаю, что и вы, какъ я слышалъ, тоже поэтъ и поэтъ въ душѣ.

— Я ничего не пишу.

— Да... но это все равно — вы актеръ!

Рымовъ покраснѣлъ.

— Я это хорошо знаю, и поэтому рѣшился обратиться къ вамъ съ предложеніемъ: не угодно ли вамъ принять участіе въ благородномъ спектаклѣ, который будетъ у меня въ домѣ?

Рымова подернуло.

— Я давно ужь отсталъ и отвыкъ, произнесъ онъ.

— Не безпокойтесь — я эти вещи очень хорошо понимаю — художникъ до самой смерти остается художникомъ.

— Я не знаю-съ, могу ли теперь за себя ручаться...

— Опять повторяю: не безпокойтесь! мы имѣемъ для васъ превосходную роль. Это, знаете, этакого, дикаго, застѣнчиваго мужчину въ піесѣ «Женитьба,» изъ которой дано будетъ нѣсколько явленій. Сколько я могу васъ понимать, то эта роль будетъ вамъ очень по характеру и вы отлично ее выполните.

Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ будто-бы въ эту минуту рѣшалась участь его жизни. Онъ ничего не находился говорить и только перебиралъ дрожащими руками петли своего пальто.

— Я очень люблю театръ, сказалъ, наконецъ, онъ.

— Это я вижу во вашему лицу, замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ; вы даже теперь взволнованы.

— Большой будетъ спектакль? спросилъ хозяинъ, утирая катившійся съ лица потъ.

— Спектакль будетъ довольно большой и прекрасно составленный: въ первую голову моя комедія: *Виконтъ и Гризетка или исправленный повѣса*, необыкновенно живая пьеска, изъ французскихъ нравовъ. Въ ней всего три дѣйствующія лица: — молодой Виконтъ, котораго я буду самъ играть и который есть чистый типъ шалуна парижанина, и еще двѣ женщины — одна изъ нихъ гризетка, а другая маркиза. Въ первомъ дѣйствіи, онъ влюбленъ въ гризетку и ненавидитъ маркизу, а вовторомъ влюбляется уже въ нее. Гризетка это узнаетъ, застаетъ его у маркизы, укоряетъ его; сама маркиза надъ нимъ смѣется. Онъ сначала теряется, потомъ раскаявается и предлагаетъ гризеткѣ руку, а маркиза объявляетъ, что это ея побочная дочь. Піеса эта, я, не хвастаясь, могу сказать, неоцѣненная вещь для благородныхъ спек-

таклей, потому что актеры не могутъ имѣть тѣхъ манеръ, которыя нужны для Сенъ-Жерменскихъ баричей. Потомъ, «Женитьба»,—объ этой комедіи, если хотите, я ничего не скажу особеннаго: написана она въ очень тривіальномъ духѣ; я видѣлъ ее въ Москвѣ и, конечно, какъ знатокъ и судья строгій въ этомъ дѣлѣ, нашелъ въ ней много недостатковъ, но при всемъ томъ хохоталъ до невѣроятности. Мы ее дадимъ для райка; у меня хоть и домашній спектакль, но публика будетъ всѣхъ сортовъ, потому что я это пріятное удовольствіе хочу раздѣлить со всѣмъ городомъ, для котораго оно можетъ служить эрою воспоминаній.

— Я знаю-съ эту піесу.

— Знаете? и прекрасно!

— Это геніальная комедія.

— Ну, ужь и геніальная,—высоко взяли, Викторъ Павлычъ! Впрочемъ, сейчасъ видно артиста въ душѣ. Мнѣ очень пріятно это отъ васъ слышать, хотя я и не согласенъ съ вами: я классикъ, и геніальными твореніями называю только классическія піесы.

— Она классическая.

— Ну что-жь въ ней классическаго? Классическаго-то въ ней ничего нѣтъ. Во-первыхъ, главнаго правила классицизма — единства содержанія, въ ней не существуетъ; а безъ этого, батюшка, всякая комедія, какъ тѣло безъ души. Сведено нѣсколько смѣшныхъ, уродливыхъ лицъ, которыя говорятъ между собою и, конечно, заставляютъ смѣяться, но и только: эта піеса рѣшительно не для знатоковъ. Вы, впрочемъ, пожалуйста, не принимайте этого никакъ на свой счетъ, потому, что, хоть и будете играть въ этой комедіи, но и въ

ней можете показать свой талантъ — золото видно и въ грязи.

— Я очень радъ играть въ этой піесѣ.

— А я болѣе вашего.

На этомъ мѣстѣ вышла Анна Сидоровна. Она все подслушивала. Лицо ея покрылось багровыми пятнами; кашемировый платокъ былъ надѣтъ какъ-то совсѣмъ ужь на-кось. Гостю она присѣла, а на мужа взглянула: тотъ потупился.

— И такъ, проговорилъ Дилетаевъ, вставая, когда же мы увидимся? Не могу ли я васъ просить пожаловать ко мнѣ сегодня вечеромъ. У меня будетъ маленькое испытательное чтеніе: мы потолкуемъ, продекламируемъ наши піесы и прочее. Вы не повѣрите, какъ хлопотливы эти театры! Его даже по одному этому можно назвать великимъ дѣломъ. Я про себя, напримѣръ, могу сказать, что съ молодыхъ лѣтъ былъ поклонникомъ Мельпомены — знатокъ и опытенъ въ этомъ; но признаюсь, иногда голова идетъ кругомъ, особенно трудно ладить съ участвующими; всѣмъ хочется сдѣлать по своему, а сдѣлать-то никто ничего не умѣетъ. Есть у меня сосѣдъ и пріятель, Никонъ Семенычъ Рагузовъ, страстный театралъ; но, къ несчастію, помѣшанъ на трагедіяхъ. Вчера даже сдѣлалъ мнѣ сцену: требуетъ все драмы; успокоили только тѣмъ, что ставимъ на сцену: *Братья разбойники*. Однако до свиданья, проговорилъ гость, раскланиваясь и пожимая у комика руку.

— Надѣюсь, сударыня, прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, что и вы пожалуете посмотрѣть на нашъ спектакль и полюбоваться вашимъ супругомъ.

Анна Сидоровна ничего не отвѣчала; полная

грудь ея колыхалась, или, лучше сказать—она вся была въ сильномъ волненіи.

Дилетаевъ заѣхалъ отъ Рымовыхъ къ Юлію Карлычу. Хозяинъ выбѣжалъ его встрѣчать на крыльцо и, поддерживая гостя подъ руку, ввелъ на лѣстницу и провелъ въ гостиную.

— Я отыскалъ вашего комика, началъ Дилетаевъ.

— Изволили отыскать? воскликнулъ хозяинъ. Простите меня великодушно, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ: я сейчасъ было хотѣлъ, по вашему приказанію, ѣхать къ нему, да лекаря прождалъ. Клеопатра Григорьевна у меня очень нехороша.

— Ничего, я ужь съѣздилъ. Какая однако странная семья: въ домѣ грязь... сырость... бѣдность... жена какой-то совершенный уродъ, да и самъ-то: настоящій ужь комикъ... этакой уморительной физіономіи я и не видывалъ: оборванный, нечесанный, а неглупый человѣкъ и буфъ долженъ быть отличнѣйшій.

— Я докладывалъ вѣдь вамъ: необыкновенный, говорятъ, актеръ.

— Это видно даже по любви его къ искусству. Представьте себѣ, только что я намекнулъ о театрѣ, поблѣднѣлъ даже весь, какъ полотно; глаза разгорѣлись и говорить ужь ничего не можетъ.

— Скажите, пожалуйста! Ну, да впрочемъ и честь для него велика — изъ какихъ-нибудь писарей быть приглашену въ благородное общество— и это не бездѣлица.

— Конечно. Пріѣзжайте обѣдать.

— Клеопатра Григорьевна очень больна.

— Ну, что-же такое? Вы не поможете.

— Конечно, Аполлосъ Михайлычъ, — пріѣду-съ.

Отъ Вейсбора Дилетаевъ проѣхалъ къ Матренѣ Матвѣвнѣ, о которой я уже упоминалъ, и съ которой у него, говорятъ, что-то начиналось. По его назначенію, она должна была играть въ его комедіи маркизу, а въ «Женитьбѣ» сваху.

При всѣхъ своихъ свиданіяхъ, Аполлосъ Михайлычъ съ Матреной Матвѣвной имѣли всегда очень одушевленную бесѣду, потому что оба они любили поговорить, и даже часто, не слушая другъ друга, торопились только высказать свои собственныя мысли.

Едва только гость появился въ залѣ, гдѣ сидѣла Матрена Матвѣвна, сейчасъ же оба вмѣстѣ заговорили.

— Вхожу въ храмъ волшебницы, съ преклоненными колѣнами, съ мольбою и просьбою, произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Это я знаю... все знаю... согласна и рада!... извиняюсь только, что вчера не могла пріѣхать, потому что была въ домашнемъ маскарадѣ.

— Вы еще похорошѣли, Матрена Матвѣвна.

— А вы еще болѣе стали льстецъ!

— Нѣтъ, какой я льстецъ — старикъ... хилый... слабый..., я могу только въ душѣ восхищаться юными розами и впивать ихъ дыханіе.

— Не старикъ, а волокита, льстецъ и повѣса.

— Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ, а буду умолять васъ принять на себя роли, которыя вы конечно превосходно сыграете, потому что отлично играете стариками. Я ихъ самъ для васъ перепишу.

— Давайте, я все выучу и сыграю. Когда вы состарѣетесь?

— Я ужь и теперь старикъ!

Матрена Матвѣвна покатилась со смѣху.

— Ха, ха, ха... Онъ старикъ! Актеръ... поэтъ... онъ старикъ! Совсѣмъ все устроили?

— Почти совсѣмъ.

— Дарья Ивановна была?

— Да, — вчера была.

— Она играетъ?

— Должна.

— Она влюблена въ вашего Мишеля.

— Она замужемъ.

— Что-жь такое! Ахъ, какимъ постникомъ притворяется, а сами что дѣлаете?

— Я вдȯвый.

— Ну, да, конечно, это оправданіе. Отчего Фаничку не выдаете замужъ?

— Жениховъ нѣтъ!

— Ну, что это вы говорите,—выдавайте!... Право, грѣшно такъ дѣвушку держать.

— Я, съ своей стороны, согласенъ хоть сейчасъ; но никого въ виду нѣтъ.

— А Рагузовъ! она вамъ, право, связываетъ руки.

— Конечно, но онъ не сватается, да и чужды они какъ-то очень другъ друга; можетъ быть теперь сблизятся. Онъ будетъ читать «Братья-разбойники», — пресмѣшной человѣкъ... О чемъ вы задумались?

— Такъ, что-то грустно... Что моя жизнь? хожу, ѣмъ, сплю и больше ничего.

— Отъ васъ зависитъ...

Матрена Матвѣвна усмѣхнулась.

— Отчего-жъ отъ меня?...
— Вы не любите стариковъ.
— Напротивъ, я только и люблю мужчинъ пожилыхъ лѣтъ.
— Пріѣзжайте-ка къ намъ обѣдать.
— Обѣдать?... Хорошо.

Дилетаевъ началъ прощаться. Хозяйка подала ему свою бѣлую и полную ручку, которую тотъ поцѣловалъ и, разшаркавшись, вышелъ молодцомъ. Отсюда онъ завернулъ къ Никону Семенычу, котораго засталъ въ довольно странномъ костюмѣ, а именно: въ пунцовыхъ шелковыхъ шальварахъ, въ полуразстегнутой сорочкѣ и въ какой-то греческой шапочкѣ. На таліи былъ обернутъ, нѣсколько разъ, яхонтоваго цвѣта широкій кушакъ, за которымъ былъ заткнутъ кинжалъ. При входѣ Аполлоса Михайлыча, онъ что-то декламировалъ.

— Разбойникъ! совершенный разбойникъ! проговорилъ тотъ.

— Я всю ночь все обдумывалъ: надобно большое искусство, чтобы вышло что-нибудь эффектное, говорилъ хозяинъ, протягивая руку.
— А костюмъ-то развѣ не эффектенъ? Да вы, мой милый, поразите всѣхъ одною наружностію.
— Мнѣ хочется кое-что къ поэмѣ прибавить.
— Прибавляйте, пожалуй.
— Именно, прибавить въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

«Бывало, въ ночь глухую
«Заложимъ тройку удалую.
«Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
«Летимъ надъ снѣжной глубиной.

Я передѣлалъ такъ:

«Бывало, въ ночь глухую,
«Тая въ груди отвагу злую,
«Летимъ на тройкѣ вороныхъ,
«Потѣшно сердцу удалыхъ!
«Мы, мразный вѣтръ въ себя вдыхая,
«О прошломъ вовсе забывая,
«Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
«Летимъ надъ снѣжной глубиной.

Это будетъ сильнѣе.

— Чудесно! право, чудесно!... Какого, батюшка, сейчасъ актера досталъ я,—чудо! пріѣзжайте обѣдать.

— Не знаю, по утру можно ли. Я думаю много перемѣнить въ піесѣ.

— Ну, хоть вечеромъ.

— Вечеромъ буду.

Аполлосъ Михайлычъ завернулъ также и къ судьѣ, и здѣсь было получилъ непріятное извѣстіе: Осипъ Касьянычъ рѣшительно отказывался играть, говоря, что онъ совершенно неспособенъ и даже въ театрѣ во всю свою жизнь только два раза былъ; но Дилетаевъ и слышать не хотѣлъ.

— Что вы тамъ, почтеннѣйшій Осипъ Касьянычъ, ни говорите, какъ вы ни отказывайтесь, мы вамъ не повѣримъ: вы будете играть и прекрасно сыграете, потому что вы человѣкъ умный,—это знаютъ всѣ, и сегодняшній вечеръ пожалуйте ко мнѣ.

У судьи вытянулось лицо.

— Хоть на сегодняшній вечеръ увольте меня, Аполлосъ Михайлычъ, проговорилъ онъ: право, я даже всѣ мои обязанности нарушаю съ этимъ театромъ.

— Вы вашихъ обязанностей никогда не нарушали, — этого никто о васъ не смѣетъ и поду-

мать, рѣшилъ Дилетаевъ, и снова попросивъ хозяина не разстроивать отказомъ общее дѣло, уѣхалъ.

— Провалился бы ты съ своими вечерами! Совсѣмъ сблаговалъ, дуракъ этакой, проговорилъ ему въ слѣдъ судья.

Дома Аполлосъ Михайлычъ имѣлъ еще непріятную сцену съ племянникомъ, который тоже отказывался играть, и на котораго онъ такъ разсердился, что назвалъ его безмозглымъ дуракомъ и почти выгналъ изъ кабинета.

По отъѣздѣ Дилетаева, Рымовы нѣсколько времени не говорили между собою ни слова. Комикъ сѣлъ и, схвативъ себя за голову обѣими руками, задумался. Приглашеніе Аполлоса Михайлыча его очень взволновало; но еще болѣе оно, кажется, встревожило Анну Сидоровну. Она первоначально начала утирать глаза, на которыхъ уже показались слезы, и потомъ принялась потихоньку всхлипывать.

— Это что еще такое? сказалъ Рымовъ съ досадою.

— Такъ... ничего... отвѣчала Анна Сидоровна, опять!... произнесла она и начала всхлипывать громко.

— Что опять?

— Опять!... отвѣчала она и заревѣла.

— Ахъ, ты дура... дура! произнесъ, качая головой, Рымовъ, который, видно, догадывался, на что мѣтитъ жена.

Анна Сидоровна продолжала плакать.

— Разбойникъ... душегубъ! говорила она, рыдая, точно бѣсъ соблазнитель пріѣхалъ подмывать. Что бы ни дна ни покрышки ему, окаянному —

только бы имъ, проклятымъ, человѣка погубить.

Рымовъ усмѣхнулся.

— Чѣмъ же онъ меня погубитъ?

— Всѣмъ онъ васъ, Викторъ Павлычъ, погубитъ, рѣшительно всѣмъ; на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ, какимъ ужь вы и были: припомните хорошенько, такъ, можетъ быть, и самимъ совѣстно будетъ! Что смѣетесь-то, какъ надъ дурой! Вамъ весело, я это знаю, — цѣловаться, я думаю, будете по вашимъ закоулкамъ съ этими погаными актрисами. По три дня безъ куска хлѣба сидѣла отъ вашего поведенія. Никогда прежде не думала получить этого. — Бабы деревенскія, и тѣ этакихъ непріятностей не имѣютъ!

— Все промолола? спросилъ Рымовъ.

— Нечего мнѣ молоть! Давно я такая... давно ужь вы въ эти дѣла-то вдались, такъ ужь мнѣ и Богъ велѣлъ разумъ-то растерять.

— Именно, давно ужь ты изъ ума выжила; прежде — проста была, а теперь ужь ничего не понимаешь. Вразумишь ли тебя, что театръ мое призваніе... моя душа... моя жизнь! чувствуешь ли ты? понимаешь ли ты это, безумная женщина?

— У васъ все душа! Кто васъ ни позови, — вамъ всякій будетъ душа, только жена не нравится.

Рымовъ махнулъ рукой.

— Въ пять лѣтъ Богъ даетъ удовольствіе, такъ и то хочетъ отнять, началъ онъ.

Анна Сидоровна горько улыбнулась.

— Великое удовольствіе: какъ надъ дуракомъ будутъ смѣяться! Видѣла я васъ, Викторъ Павлычъ, своими глазами видѣла — и на человѣка-то не были похожи. Обманывать меня нечего, другого вамъ хочется.

— Чего-же другого-то?

— Извѣстно, чего всѣ мужчины хотятъ.

— Ну да, конечно: красавецъ какой, — такъ и кинутся всѣ!

— Кидались же вѣдь прежде.

— Ахъ, ты жалкое созданіе, въ тебѣ цѣлый дьяволъ ревности сидитъ; ты ничего не видишь, ничего не понимаешь. Это благородный спектакль,— вбей хоть ты это-то въ свою голову: тутъ благородныя дамы и дѣвицы. Неужели же онѣ и повѣсятся мнѣ на шею? Онѣ, я думаю, и говорить-то не станутъ со мной.

— Не хитрите, сдѣлайте милость, не хитрите, Викторъ Павлычъ! Все я очень хорошо понимаю, и понимаю, почему это вамъ такъ хочется.

— Почему мнѣ хочется? Вотъ этого-то ты, я думаю, ужъ совсѣмъ не понимаешь. Мнѣ хочется потому, что хотѣлось этого Шекспиру и Шиллеру,—потому, что одинъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома, а другой не умѣлъ лечить — вотъ почему мнѣ хочется!

— Что вы мнѣ пріятелей-то приводите въ примѣръ. Въ Москвѣ еще я это отъ васъ слыхала.— Такіе же пьяницы, какъ вы.

— Молчи, дура! не говори, по-крайней-мѣрѣ, объ этихъ людяхъ своимъ мерзкимъ языкомъ.

— Ругайтесь, ругайтесь! Прибейте еще:—убить, я думаю, рады меня.... Пьяница.... бездомовщикъ,— уморилъ бы съ голоду, кабы не мои же родные дали мѣсто.

Анна Сидоровна начала опять ревѣть.

— Ну да, проговорилъ Рымовъ, я хочу играть, буду играть, хоть бы тебя на семь частей разорвало.

Послѣднія слова онъ произнесъ въ сильномъ ожесточеніи. Анна Сидоровна хотѣла было что-то возражать.

— Молчи! вскрикнулъ Рымовъ, ударивъ кулакомъ по столу.

III.

ВЕЧЕРЪ ИСПЫТАТЕЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Художественный вечеръ Аполлоса Михайлыча, назначенный собственно для испытанія талантовъ, начался часовъ въ семь. Всѣ уже были почти на лицо. Хозяинъ приготовлялся начать чтеніе.

— Рымовъ! доложилъ слуга.

— А!... произнесъ хозяинъ,—проси.

— Я чрезвычайно боюсь, не пьянъ ли онъ? замѣтилъ Юлій Карлычъ судьѣ.

— Не безъ того, я думаю; заварите ужь вы кашу съ вашими актерами, проговорилъ тотъ и взглянулъ въ уголъ.

Къ удивленію многихъ, комикъ явился во фракѣ, въ бѣлой манишкѣ, съ причесанными волосами и совершенно ужь не пьяный.

— Милости прошу! проговорилъ хозяинъ, вставая. Здѣсь вы видите все поклонниковъ Мельпомены, и потому знакомиться нечего; достаточно сказать этого слова — и стало быть всѣ мы братья. Господинъ Рымовъ! прибавилъ Аполлосъ Михайлычъ прочимъ гостямъ, изъ коихъ нѣкоторые кивнули гостю головой, а Юлій Карлычъ подалъ ему руку.

— Прошу присѣсть, продолжалъ Дилетаевъ, указывая на ближайшій стулъ. Между нами нѣтъ

только нашего великаго трагика Никона Семеныча. Онъ, вѣроятно, передѣлываетъ свою поэму; но мы все-таки начнемъ маленькую репетицію по ролямъ, въ томъ порядкѣ, какъ будетъ у насъ спектакль. Сначала, моя комедія—«Исправленный Повѣса», потомъ вы прочтете намъ нѣсколько сценъ изъ «Женитьбы», и наконецъ, Никонъ Семенычъ продекламируетъ своимъ громовымъ голосомъ: «Братья разбойники»; Фани протанцуетъ качучу, а Дарья Ивановна пропоетъ.

На такое распоряженіе хозяина никто не отвѣчалъ. Дарья Ивановна пересмѣхнулась съ Мишелемъ, судья сдѣлалъ гримасу, Юлій Карлычъ потупился, комикъ отошелъ и сѣлъ на дальній стулъ. Аполлосъ Михайлычъ роздалъ по экземпляру своей комедіи Матренѣ Матвѣвнѣ и Фани.

— Пожалуйста, Матрена Матвѣвна, не сбивайтесь въ репликахъ, то есть: это послѣднія слова каждого лица, къ которымъ надобно очень прислушиваться. Это главное правило сценическаго искусства. «Театръ представляетъ богатый павильонъ на одной изъ парижскихъ дачъ.» Вамъ начинать, Матрена Матвѣвна!

Вдова начала: «Дѣйствіе первое. Явленіе первое.»

— Позвольте, почтеннѣйшая! зачѣмъ ужь это читать? перебилъ хозяинъ. Это всѣ знаютъ. Начинайте съ слова: *ахъ, да!*

— Сейчасъ, сейчасъ; отвѣчала Матрена Маввѣвна и снова начала:

«Ахъ, да! Всѣ говорятъ о васъ, Виконтъ,
«Что вы отъ свѣта стали отставать,
«И бродите день цѣлый подъ окномъ
»Какой-то Дульцинеи....

— Вы читаете недурно; но надобно болѣе обра-

щаться ко мнѣ, замѣтилъ хозяинъ и началъ самымъ развязнымъ тòномъ:

«Я брожу?
«Налгали вамъ, маркиза, на меня;
«Я провожу весь день въ Пале-Роялѣ!
«Играю, ѣмъ, курю и пью вино,
«За тѣмъ, чтобъ, нагрѣшивши вдоволь,
«Исправиться на вашихъ балахъ вновь.

— Подхватывайте скорѣе, Матрена Матвѣвна!

Вдова торопливо взглянула въ книгу и зачитала:

«Смѣшно вамъ,
«Смѣйтеся, маркиза, ваша воля!
«Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ....

— Attendez, madame, воскликнулъ Аполлосъ Михайлычъ, вы читаете мой монологъ, какъ вы торопливы!

— Виновата! сказала Матрена Матвѣвна, немного вспыхнувъ, и снова начала:

«Нѣтъ, нѣтъ, изволъте вамъ не вѣрить!
«Вы страстно влюблены въ какую-то
«Кухарочку, гризетку или прачку
«Смѣшно, Виконтъ, мнѣ это.

«Смѣшно вамъ?

подхватилъ хозяинъ.

«Смѣйтеся, маркиза, ваша воля!
«Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ я хотѣлъ
«Кого-нибудь, когда-нибудь любить,
«Такъ не влюбился бы въ васъ свѣтскихъ дамъ,
«А сердце отдалъ бы простой крестьянкѣ.

Матрена Матвѣвна подхватила:

«За тѣмъ, что обмануть несчастныхъ легче.

— Вы хорошо произносите, но немного скоро и однообразно: нѣтъ перелива въ голосѣ.... замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Я теперь еще не знаю наизусть, а я выучу.

— Увѣренъ, увѣренъ, моя почтеннѣйшая, что выучите и будете превосходны. Какъ вы, Викторъ Павлычъ, находите наше чтеніе и комедію,—а?

— Стихи произносить очень трудно, отвѣчалъ тотъ.

— Совершенно согласенъ:—тутъ надобно, особенно въ комедіи,—высшее классическое искусство. Я думаю. вы могли замѣтить, что я въ своемъ чтеніи много заимствовалъ у Катенина, котораго нѣсколько разъ слыхалъ и прилѣжно изучалъ.

Затѣмъ снова началось чтеніе. Матрена Матвѣвна часто мѣшалась въ репликахъ, но за то самъ хозяинъ необыкновенно одушевлялся, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Виконтъ высказываетъ маркизѣ, что онъ ее не любитъ, Аполлосъ Михайлычъ всталъ и декламировалъ на-изустъ.

— Какъ отлично Аполлосъ Михайлычъ читаютъ! отнесся Юлій Карлычъ къ судьѣ. Тотъ только почесалъ затылокъ; комикъ сидѣлъ, насупившись; Мишель что-то шепталъ на ухо Дарьѣ Ивановнѣ, которая. чтобъ удержаться отъ смѣха, зажала ротъ платкомъ. Фани вся превратилась въ слухъ и зрѣніе и, кажется, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала, когда очередь дойдетъ до нея; наконецъ. пришла эта очередь. По ходу піесы она сидитъ одна. въ небольшой комнатѣ, шьетъ себѣ новое платье и говоритъ:

«Виконтъ! о, милый мой Виконтъ!
«Я для тебя спѣшу скорѣй надѣть
«Тобою подаренный мнѣ нарядъ!
«Ты, можетъ, будешь, другъ безцѣнный,
«Любить меня еще сильнѣе въ немъ.

Такъ читала дѣвушка, и читала съ большимъ

чувствомъ. Затѣмъ является Виконтъ, сначала страстный, потомъ задумчивый; гризетка испугалась: она думаетъ, что онъ ее разлюбилъ; но онъ только вспомнилъ о маркизѣ, вспомнилъ, какъ она смѣялась надъ его любовью, и еще болѣе возненавидѣлъ эту женщину. Онъ разсказалъ своей возлюбленной; но она ему не вѣритъ и начинаетъ его ревновать.

Вся эта сцена очень удалась, можетъ быть болѣе потому, что два дѣйствующія лица не сбивались въ репликахъ и читали все на память. Дилетаевъ вставалъ, ходилъ, садился около Фани и цѣловалъ ея руки; подъ конецъ явленія Юлій Карлычъ и Матрена Матвѣвна захлопали въ ладоши, и послѣдняя поклялась къ завтрашнему же дню такъ же твердо выучить роль, какъ Фани, и просила Аполлоса Михайлыча пріѣхать поутру поучить ее. Второе и послѣднее дѣйствіе было также прочитано съ большимъ одушевленіемъ со стороны Аполлоса Михайлыча и Фани, и съ большимъ стараніемъ Матреною Матвѣвною, которая была уже не такъ однообразна, но, по торопливости характера, все-таки ошибалась иногда въ репликахъ и несовсѣмъ вѣрно выражала акцентомъ голоса мысль монолога, но Дилетаевъ слѣдилъ внимательно и очень часто дѣлалъ вдовѣ дѣльныя замѣчанія.

— Мы со сцены сходимъ, произнесъ онъ: теперь, Викторъ Павлычъ, ваша очередь—потѣшьте вы насъ вашимъ чтеніемъ. Мнѣ бы очень желалось, чтобы каждое дѣйствующее лицо читало за себя; но у меня книжка одна и роли еще не списаны. Прочтите ужъ вы одни то, что я отмѣтилъ для нашего представленія, да еще васъ попрошу

пропускать тѣ мѣста, которыя зачеркнуты карандашемъ. Они могутъ произвести на нашихъ дамъ непріятное впечатлѣніе.

Комикъ, слушавшій чтеніе всей комедіи Дилетаева съ грустнымъ лицомъ, всталъ.

— Посмотрите, какъ у него руки дрожатъ, должно быть онъ пьянъ, замѣтилъ Мишель.

— Какой онъ странный, непріятно даже видѣть: что̀ онъ—лакей что ли чей нибудь? спросила его Дарья Ивановна.

— Должно быть, побочный сынъ Мельпомены.

— Перестанете ли вы меня смѣшить! я право уѣду.

— Бога ради, не погубите меня.... Я не буду, честное слово, не буду, отвѣчалъ молодой человѣкъ и закурилъ папиросу.

Комикъ подошелъ къ столу и сѣлъ.

— Не любите ли вы пить воду съ сахаромъ при чтеніи? спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, ничего; я и такъ прочту, отвѣчалъ тотъ.

— Ему бы стаканъ водки, для смѣлости, закатить, проговорилъ тихонько судья Юлію Карлычу.

— Ай, сохрани Господи! онъ насъ всѣхъ приколотитъ, отвѣчалъ тотъ.

— И хорошо бы сдѣлалъ, чтобы глупостями-то не занимались.

Комикъ, наконецъ, началъ чтеніе, по назначенію Аполлоса Михайлыча, съ того явленія, гдѣ невѣста разсуждаетъ съ теткою о женихахъ, и потомъ является сваха. Съ перваго почти его слова, Матрена Матвѣевна фыркнула, Аполлосъ Михайлычъ усмѣхнулся, Вейсборъ закачалъ головой, Фани съ удивленіемъ уставила на Рымова свои

глаза; даже Осипъ Касьянычъ заглянулъ ему въ лицо. Смѣхъ и любопытство замѣтно начали овладѣвать всѣми. Вдова, Юлій Карлычъ и Фани хохотали уже совершенно. Дилетаевъ слушалъ внимательно и по временамъ улыбался. Судья тоже улыбался. Мишель и Дарья Ивановна перестали говорить между собою. Чтеніе Рымова было дѣйствительно чрезвычайно смѣшно и натурально: съ монологомъ каждого дѣйствующаго лица, не только мѣнялся его голосъ, но какъ будто бы перекраивалось и самое лицо, видѣлись: и грубоватая физіономія тетки, и сладкое выраженіе двадцатипятилѣтней дѣвицы и, наконецъ, звонко ораторствовала сваха. Съ появленіемъ жениховъ всѣ уже хохотали, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Жевакинъ разсказываетъ, какъ солдаты говорили по-итальянски, Аполлосъ Михайлычъ остановилъ Рымова.

— Нѣтъ, Викторъ Павлычъ, пощадите, воскликнулъ онъ, отнимая у комика книгу. О, Господи, даже колика сдѣлалась... Матрена Матвѣвна! не прикажете ли истерическихъ капель?

— Я не знаю, что такое со мною, отвѣчала вдова, я просто съумасшедшая.

— Какъ вы находите, Дарья Ивановна? отнесся хозяинъ къ молодой дамѣ.

— Très drôle, Аполлосъ Михайлычъ, отвѣчала та.

— Живокини не уступитъ — ужасный уродъ! шепнулъ ей на ухо Мишель.

— Я, mon oncle, никогда такъ не смѣялась... Отчего это? сказала Фани.

— Это, душа моя, значитъ высшее искусство смѣшить. О чемъ плачете, Юлій Карлычъ?

— Отъ смѣха, Аполлосъ Михайлычъ, ей-Богу отъ смѣха.

— Вижу, что отъ смѣха, даже нашъ великій судья, и тотъ улыбается. Короче сказать: вы, Викторъ Павлычъ, великій актеръ.

Всѣ эти похвалы комикъ слушалъ, потупившись.

— Но вотъ, вѣдь, господа, въ чемъ главное дѣло, началъ разсуждать Дилетаевъ, что смѣялись мы, это неудивительно: фарсъ всякой смѣшонъ; но главное — разнообразіе таланта Виктора Павлыча. Онъ, напримѣръ, можетъ сыграть всѣ почти лица: и сваху, и невѣсту, и тетку — это удивительно!... Чтобы вы, теперь, могли сдѣлать въ классической комедіи? продолжалъ онъ, обращаясь къ комику, — это выше словъ: конечно, тутъ бы смѣяться не стали; но за то, на изящный-то вкусъ какъ-бы подѣйствовало, особенно въ этихъ живыхъ пассивныхъ сценахъ, на которыя съ умысломъ авторъ расчитываетъ.

— Что вы изволите, Аполлосъ Михайлычъ, разумѣть подъ классической комедіей? спросилъ скромно комикъ.

— Какъ что такое я разумѣю подъ именемъ классической комедіи? возразилъ хозяинъ. Я разумѣю подъ этимъ именемъ всѣ классическія комедіи, которыя написаны по правиламъ искусства.

— Всякая комедія, если она выражаетъ что-нибудь смѣшное, ярко и естественно, — классическая комедія, возразилъ скромно комикъ.

— Ахъ, нѣтъ: это совершенно ложная мысль! перебилъ хозяинъ, смѣшнаго много написано: смѣшонъ водевиль, смѣшонъ фарсъ, но это не то... классическая комедія пишется по строгимъ и особеннымъ правиламъ.

— Какія же особенныя правила, mon oncle? Теперь въ Петербургѣ даются водевили, которые

гораздо лучше всѣхъ вашихъ классическихъ комедій, вмѣшался въ разговоръ Мишель.

— Ну, mon cher, ты еще не можешь судить объ этомъ; то, что я хочу сказать, ты не совсѣмъ и поймешь.

— Да почему же вы одни только можете понимать? возразилъ племянникъ.

— Молчи, пожалуйста! Твое дѣло галстухи повязывать, да воротнички выставлять — и только. Я заговорилъ объ особыхъ правилахъ классическаго искусства — извѣстны-ли они вамъ, Викторъ Павлычъ?

— Когда-то училъ-съ, но теперь ужь совсѣмъ забылъ.

— Ну, поэтому слегка ихъ припомню вамъ; я самъ тоже давно училъ, но какъ-то врѣзалось въ память. Первое правило: единство содержанія, второе, да... второе, я полагаю, то, чтобы піеса была написана стихами — это необходимо для классицизма и, наконецъ, третіе, ужь совершенно какъ-то не помню: кажется, чтобы все кончилось благополучно... напримѣръ: сватьбою или чѣмъ-нибудь другимъ; но я съ своей стороны кладу еще четвертое условіе для того, чтобы комедія дѣйствовала на вкусъ людей образованныхъ: надобно, чтобы она взята была изъ образованнаго класса; а то, помилуйте! что такое ныньче пишутъ? На сценѣ фигюрируютъ пьяные мужики, хохлы, лакеи, какіе-то уроды помѣщики. Такая сволочь, что не глядѣлъ бы, да и въ натурѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Возьмите вы комедіи Шаховскаго — букетъ изящнаго, ароматомъ пахнетъ... Я очень бы желалъ, Викторъ Павлычъ, чтобы вы прочитали мою комедію; конечно, это не вашъ родъ, но все-таки по-

лагаю, что вы бы произнесли ее вѣрно и съ артистическимъ одушевленіемъ.

Комикъ, прислушивавшійся сначала къ разсужденіямъ Аполлоса Михайлыча съ какою-то горькою улыбкою, подъ конецъ ничего ужъ не слыхалъ и все посматривалъ на закрытую книжку «Женитьбы». Ему, кажется, очень хотѣлось еще почитать ее.

— Прочитайте-ка, Викторъ Павлычъ, мою комедію, повторилъ хозяинъ.

— Чего-съ? отозвался комикъ.

— Мою комедію продекламируйте.

Рымовъ немного смѣшался.

— Я не умѣю читать бѣлыхъ стиховъ, проговорилъ онъ.

— Жаль, очень жаль, началъ хозяинъ: неимовѣрно жаль, что вы не получили строгаго сценическаго воспитанія! Вы бы были великій художникъ — природа ваша безцѣнна; но въ настоящее время для васъ существуетъ только извѣстный родъ піесъ, комедіи райка; конечно и въ нихъ много смѣшнаго, но ужъ чрезвычайно вульгарно. Высшій классъ тоже смѣется; но смѣяться вѣдь можно всему: мы смѣемся, напримѣръ, когда пьяный мужикъ пляшетъ подъ балалайку, но все-таки въ этомъ нѣтъ истиннаго комизма. Такъ ли я, господа, говорю? отнесся Аполлосъ Михайлычъ къ мужчинамъ, что вы, mesdames, скажете, прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ. Викторъ Павлычъ, я замѣчаю, не совсѣмъ соглашается съ моими мнѣніями.

— Мы, дамы, должны соглашаться съ вами, вы профессоръ нашъ, мы всѣ считаемъ васъ нашимъ профессоромъ, подхватила Матрена Матвѣвна.

Изъ мужчинъ судья только поднялъ брови — и

молчалъ; Мишель сдѣлалъ гримасу и что-то шепнулъ на ухо Дарьѣ Ивановнѣ, которая ударила его по рукѣ перчаткой и опять зажала ротъ платкомъ.

— Я согласенъ съ Матреной Матвѣвной, произнесъ Юлій Карлычъ. Вы очень много читали, Аполлосъ Михайлычъ, да и отъ природы имѣете большое соображеніе.

— И такимъ образомъ, стало быть, одинъ Викторъ Павлычъ не согласенъ.

— Я ничего, Аполлосъ Михайлычъ... началъ было Рымовъ.

— Ну, однако какъ тамъ въ сердцѣ, въ умѣто своемъ: не убѣждены, что я правъ? перебилъ хозяинъ.

— Я ничего-съ, только насчетъ райка... онъ иногда очень правильно судитъ.

— Вы думаете?...

— Да-съ, Мольеръ обыкновенно читалъ свои комедіи кухаркѣ, и если она смѣялась, онъ былъ доволенъ.

Аполлосъ Михайлычъ покачалъ головой.

— Во-первыхъ, это анекдотъ, а во-вторыхъ, что такое Мольеръ? — Классикъ! классикъ! кричатъ французы, но и только!... Нѣмцы и англичане не хотятъ и смотрѣть Мольера; я съ своей стороны, тоже не признаю его классикомъ... А!... Никонъ Семенычъ, великій трагикъ! Васъ только и не доставало — опоздали, mon cher! и лишили себя удовольствія прослушать большую часть нашего спектакля.

Но Никону Семенычу было не до кого и не до чего; онъ пріѣхалъ въ очень тревожномъ состояніи духа; волосы его были растрепаны, руки и даже лицо перепачканы въ чернилахъ.

— Я пріѣхалъ читать, проговорилъ онъ, не кланяясь почти ни съ кѣмъ.

— Да, теперь очередь за вами, отвѣтилъ хозяинъ, подмигнувъ судьѣ и Юлію Карлычу, отчего послѣдній потупился.

— Я много передѣлалъ и прибавилъ, началъ Никонъ Семенычъ, садясь. Могу? спросилъ онъ.

— Сдѣлайте милость, сказалъ хозяинъ.

Рагузовъ началъ: «театръ представляетъ равнину на Волжскомъ берегу. Разсыпана толпа разбойниковъ въ различныхъ костюмахъ; близъ одного, одѣтаго наряднѣе другихъ, сидитъ, опершись на его плечо, молодая женщина.»

— Позвольте, mon cher, я васъ перебью: это, стало быть, совершенно новое лицо? возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Новое, — оно необходимо, отвѣчалъ торопливо Рагузовъ и продолжалъ уже на-изустъ:

«Насъ было двое: братъ и я!
«Росли мы вмѣстѣ, нашу младость
«Вскормила чуждая семья,

На этомъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

« . . . . . Рѣшились межъ собой
«Мы жребій испытать иной.»

онъ остановился и сказалъ: — тутъ говоритъ его любовница; и продолжалъ:

Елена.

«Благословляю этотъ мигъ,
«Онъ отдалъ мнѣ, мой другъ тебя!
«Ты не приступникъ, ты великъ.
«Ты мой на вѣкъ, а я твоя!

— Позвольте, Никонъ Семенычъ, я васъ опять перебью: кто же будетъ играть эту роль? Надобно прежде это рѣшить.

— Я не знаю-съ, это ваше дѣло.

— Но какъ же все мое дѣло; не могу же я придумать все, что придетъ вамъ въ голову. Дарья Ивановна, это ваша роль.

Дарья Ивановна насмѣшливо покачала головой.

— Почему же вы думаете, что моя? Неужели же вы находите, что я похожа на любовницу разбойника. Мнѣ это досадно!

Матрена Матвѣвна взглянула на Аполлоса Михайлыча многозначительно.

— Фаничка, эту роль ты должна играть, отнесся онъ къ племянницѣ. Но та, не смотря на любовь къ искусству, на этотъ разъ что-то сконфузилась.

— Я не сыграю, mon oncle, произнесла она.

— Не правда, ma bonne amie, не правда!... Матрена Матвѣвна, она вѣдь должна играть?

— Она, непремѣнно она... она молоденькая, хорошенькая, а мы всѣ старухи, рѣшила вдова.

— Я, mon oncle, не умѣю играть драматическихъ ролей.

— Никонъ Семенычъ тебя научитъ, и я тебѣ слова два-три скажу.

— Я у васъ буду учиться, mon oncle, отвѣчала дѣвушка.

Рагузовъ началъ читать и прервалъ этотъ разговоръ. Наконецъ онъ кончилъ.

— Стало быть, поэма ваша, Никонъ Семенычъ, должна будетъ идти отдѣльно отъ дивертисмана?

— Непремѣнно!

— Въ такомъ случаѣ, надобно ее назвать драматической фантазіей, произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ трагикъ и всталъ.

— Ну-съ, отнесся Дилетаевъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, теперь ваша очередь: во-первыхъ — пропѣть, а во-вторыхъ — сыграть качучу для Фани на фортепьянахъ.

— У меня горло болитъ, Аполлосъ Михайлычъ, возразила она.

— Все равно-съ, болитъ-ли оно у васъ, или нѣтъ, мы этого не знаемъ; но просимъ, чтобы вы намъ пропѣли.

— Спойте, Дарья Ивановна, дайте отдохнуть душѣ, шепнулъ ей на ухо Мишель.

Дарья Ивановна встала и сѣла за фортепьяно; голосъ ея былъ чрезвычайно звученъ и довольно мягокъ: онъ поразилъ всѣхъ; одинъ только Рымовъ, кажется, остался недоволенъ полученнымъ впечатлѣніемъ.

— Каково соловей-то нашъ заливается? отнесся къ нему Юлій Карлычъ.

— Она не понимаетъ что поетъ, отвѣчалъ тотъ и отошелъ.

Никонъ Семенычъ прослушалъ весь романсъ съ необыкновеннымъ восторгомъ.

— Madame, je vous supplie, faites moi l'honneur d'accepter un rôle dans ma pièce. Vous avez tant de sentiments... J'arrangerai un petit air tout exprès pour votre voix... отнесся онъ, отъ полноты чувствъ, къ Дарьѣ Ивановнѣ на французскомъ языкѣ.

— Je n'ai jamais parlé et chanté sur la scène, отвѣчала та небрежно и отвернулась отъ трагика.

— Прелесть! чудо! говорилъ Аполлосъ Михайлычъ, качая головой.

— Попросите, пожалуйста, чтобы Дарья Ивановна играла въ моей піесѣ; я напишу для нихъ

романсъ. Это будетъ очень эффектно, обратился къ хозяину трагикъ.

— Врядъ ли станетъ она играть! Дай Богъ, чтобы что-нибудь пропѣла, отвѣчалъ Дилетаевъ. Мишель! поди сюда, кликнулъ онъ племянника. Будетъ ли у насъ Дарья Ивановна играть?

— Я почему знаю; спросите ее.

— Попроси ее, мой другъ, участвовать.

— Что-жь мнѣ ее просить... Я ничего у васъ не понимаю, проговорилъ Мишель, и отошедъ отъ дяди опять заговорилъ съ Дарьей Ивановной.

— Фаничка! началъ хозяинъ: что-же твоя качуча?

— Сейчасъ начну, mon oncle, отвѣтила дѣвушка и убѣжала въ свою комнату за кастаньетами. Дарья Ивановна, по просьбѣ Аполлоса Михайлыча, заиграла качучу; Фани начала танцовать. Нельзя сказать, чтобы всѣ па ея были вполнѣ отчетливы и граціозны; но за то, во всѣхъ пассивныхъ скачкахъ, которыми исполненъ этотъ танецъ, она была чрезвычайно энергична. Аполлосъ Михайлычъ, Никонъ Семенычъ, Матрена Матвѣвна и Юлій Карлычъ хлопали ей безпрестанно; оставались равнодушными зрителями только комикъ, который сидѣлъ въ углу и, казалось, ничего не видалъ, и судья, которому, должно быть, тоже не понравился испанскій танецъ.

— Этакое нахальство: для дѣвицы, кажется, и не прилично-бы было; простая мужичка не согласится этакъ ломаться! сказалъ онъ про себя.

Качучею заключился вечеръ испытательнаго чтенія. Общество снова возратилось въ гостиную. Аполлосъ Михайлычъ еще долго разсуждалъ о театральномъ искусствѣ, и у него опять начался

жаркій споръ съ Рагузовымъ, который до того забылся, что даже собственную комедію Дилетаева назвалъ пустяками. Аполлосъ Михайлычъ послѣ этого пересталъ съ нимъ говорить. Комикъ раньше всѣхъ простился съ хозяиномъ, который обѣщался на другой-же день прислать ему роль. Трагикъ уѣхалъ вскорѣ за нимъ. Дарью Ивановну поѣхалъ провожать Мишель. Фани принялась читать Женитьбу. Матрена Матвѣвна очень долго сидѣла съ хозяиномъ въ гостиной и о чемъ-то потихоньку разговаривала съ нимъ. Всѣ гости отправились, конечно, въ экипажахъ: одинъ только Рымовъ пошелъ пѣшкомъ, повѣся голову.

— Что это такое: гдѣ я былъ? точно съумасшедшій домъ, разсуждалъ онъ самъ съ собою; что такое говорилъ этотъ господинъ: классическая комедія, Мольеръ не классикъ, единство содержанія, Женитьба — фарсъ, чортъ знаетъ, что такое? Столпотвореніе какое-то вавилонское!... Хорошъ же у нихъ будетъ спектакль... и комедія хороша, нечего сказать. Вмѣсто стиховъ — рубленая солома, но главное: каковъ Виконтъ-то — волокита, — тфу, ты проклятые! ничего подобнаго и не слыхивалъ! Видно, въ самомъ дѣлѣ, старуха моя права: все это глупости и глупости-то страшныя!... Или ужь я очень одичалъ, такъ не понимаю ничего — чортъ знаетъ что такое?

Пришедъ домой, онъ засталъ жену въ постелѣ, съ повязанной головой. Рымовъ посмотрѣлъ на нее. Анна Сидоровна отвернулась.

— Аннушка! что съ тобой? спросилъ онъ, раздѣваясь; но она не отвѣчала.

— За что ты сердишься? что такое я сдѣлалъ? Больна, что-ли, ты?

— Да, отвѣчала она.

— Что такое у тебя болитъ?

— Да вамъ зачѣмъ? Играйте тамъ, дайте хоть умереть спокойно.

— Опять старыя пѣсни!

— Лучше-бы къ какой-нибудь поганой актрисѣ вашей отправились ночевать. Зачѣмъ меня пришли мучить?

— Тфу ты, дура этакая! Лежи-же, валяйся... терпѣнья нѣтъ никакого!

— Что-жь вы, подлецъ этакой, ругаетесь? Ступайте вонъ! Квартира моя — разбойникъ! еще убьете ночью, пожалуй.

Рымовъ плюнулъ и ушелъ въ другую комнату, погасилъ свѣчу и легъ на голомъ диванѣ. Прошло часа два, но ни мужъ, ни жена не спали; по-крайней-мѣрѣ такъ можно было заключить изъ того, что одинъ кашлялъ, а другая потихоньку всхлипывала. Наконецъ, Анна Сидоровна встала и подошла къ дверямъ комнаты, гдѣ лежалъ мужъ.

— Витя, ты спишь? начала она ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, а что?

— Поди ко мнѣ, мамочка, тебѣ тамъ жестко.

— Ругаться станешь.

— Нѣтъ, мамочка, я виновата.

Рымовъ всталъ и перешелъ къ женѣ на кровать.

— Не играй, Витя! пожалуйста, не играй: погубишь ты себя и меня!

— Чѣмъ же я погублю тебя?

— Избалуешься, мамочка, опять избалуешься, еще пожалуй влюбишься... вы, вѣдь, при всѣхъ, безъ стыда, цѣлуетесь, это ужь какое дѣло семейному человѣку.

— Отвяжись, пожалуйста; я спать хочу.

— Спи, ангелъ мой, авось тебя Богъ образумитъ.

Анна Сидоровна поцѣловала и перекрестила мужа.

IV.

ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦІЯ.

Дня чрезъ два, Дилетаевъ разослалъ ко всѣмъ роли; но кромѣ того, онъ заѣхалъ къ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ и сдѣлалъ имъ, сообразуясь съ характеромъ, наставленія и убѣжденія.

Осипъ Касьянычъ, получивъ роль, пришелъ въ совершенный азартъ: онъ бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами, произведя при этомъ случаѣ такой шумъ, что проживавшая съ нимъ сестра подумала, Богъ знаетъ что случилось, и въ большомъ испугѣ прибѣжала къ нему.

— Батюшка, Осипъ Касьянычъ! Что это такое съ вами? спросила она.

— Чортъ, дьяволъ, бѣсъ плешивый, кричалъ судья, толкая пинькамн роль,—ишь, какъ вздумалъ дурачить людей.

— Голубчикъ, братецъ, разскажите что такое случилось?

— Вамъ еще что надобно отъ меня? Ступайте къ себѣ. Ну что вамъ надобно? Лучше-бы рожу умыли, проговорилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ, и совершенно разстроенный, уѣхалъ къ откупщику, гдѣ игралъ цѣлый день въ карты и, сверхъ обыкновенія, проигралъ пятьсотъ рублей, блѣднѣя и теряясь каждый разъ, когда его спрашива-

ли, какую онъ будетъ играть роль. Послѣ такого рода непріятностей, почтенный судья о театрѣ, конечно, забылъ и думать, а пустился въ закавказскій преферансъ и выигралъ тьму денегъ, ограничась въ отношеніи своей роли только тѣмъ, что, когда, при его глазахъ, лакей, метя комнату, задѣлъ щеткой тетрадку и хотѣлъ было ее вымести вмѣстѣ съ прочею дрянью, онъ сказалъ: «не тронь этого, пусть тутъ валяется»; но тѣмъ и кончилось.

Гораздо добросовѣстнѣе исполнялъ порученіе Дилетаева Юлій Карлычъ. Не смотря на то, что женѣ его сдѣлалось въ тотъ день еще хуже, что около него шумѣлъ и кричалъ цѣлый пятокъ различнаго возраста дѣтей, онъ тотчасъ-же началъ учить роль; но къ несчастію, память совсѣмъ отказывалась. Пробившись, безъ всякого успѣха, часа три, Вейсборъ рѣшился ѣхать за совѣтомъ къ учителю исторіи въ уѣздномъ училищѣ, который по общей молвѣ, отличался необыкновенною памятью, и который дѣйствительно далъ ему нѣсколько спасительныхъ совѣтовъ: онъ предложилъ заучивать вечеромъ, но не поутру, потому что по утрамъ разумъ скоро воспринимаетъ, но скоро и утрачиваетъ; въ мѣстахъ, которыя не запоминаются, совѣтовалъ замѣчать нѣкоторые, сосѣдственные имъ, видимые признаки, такъ напримѣръ: пятнышко чернильное, черточку, а если ничего этакого не было, такъ можно и нарочно дѣлать, то есть, мазнуть по бумагѣ пальцемъ, капнуть саломъ и тому подобное, доказывая достоинство этого способа тѣмъ, что посредствомъ его онъ выучилъ со всею хронологіею исторію Карамзина. По его словамъ, метода самого Ланкастера про-

тиву изобрѣтенной имъ методы никуда не годится. Способъ дѣйствительно, надо полагать, былъ хорошъ. Дня чрезъ два, послѣ тщательнаго упражненія, Юлій Карлычъ зналъ уже четыре явленія очень порядочно.

Не малаго Аполлосу Михайлычу стоило труда уговорить и Дарью Ивановну принять на себя роль тетки въ Женитьбѣ. Не смотря на то, что эта роль была очень маленькая, молодая дама рѣшительно отказывалась, говоря, по прежнему, что она расхохочется на первомъ словѣ; но Аполлосъ Михайлычъ увѣрялъ, что если она только выйдетъ на сцену и постоитъ, такъ и то будетъ прелестно.

Трагика тоже было трудно уломать взять роль Кочкарева. Аполлосъ Михайлычъ употребилъ для этого лесть, говоря, что Никону Семенычу всякая роль по плечу, и что онъ изъ грязи сдѣлаетъ брилліантъ. Тотъ, наконецъ, согласился и пробѣгая роль, восклицалъ: «этакая гадость, сальность! Что-то такое мужицкое, бурлацкое,» и снова началъ отказываться, но Дилетаевъ снова польстилъ, и трагикъ окончательно согласился и очень скоро выучилъ роль, хотя и была она ему не по сердцу. Про *Братьевъ Разбойниковъ* и говорить нечего, — онъ эту поэму почти всю самъ пересоздалъ, и все это время походилъ совершенно на съумасшедшаго человѣка: никого не принималъ, никуда не ѣздилъ, а все занимался по этому предмету, и въ концѣ недѣли уже прислалъ Фани роль Елены— любовницы, совсѣмъ отдѣланную и переписанную. Фаничка тоже дѣйствовала отъ души. Роль гризетки она уже знала превосходно наизусть. Роль невѣсты выучила въ два дня и, наконецъ, хотя и

не съ большимъ желаніемъ, принялась за роль Елены. Качучу она уже танцовала очень мило.

Въ племянникѣ своемъ Дилетаевъ встрѣтилъ опять большое затрудение: Мишель никакъ не хотѣлъ играть и даже нагрубилъ ему въ такой мѣрѣ, что онъ принужденъ былъ выгнать его изъ дому, и рѣшился было написать записку къ аптекарю и просить того, не смотря на картавый выговоръ и совершенное незнаніе русскаго языка, — сыграть Анучкина; но впрочемъ молодой человѣкъ, сходивъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, опомнился: взялъ роль и началъ ее изучать вмѣстѣ съ нею. Не знаю, дѣйствительно-ли они учили свои роли, но только говорили безпрестанно и даже устроили какую-то странную между собой игру: «Перестаньте, Мишель, я уйду,» говорила вдругъ Дарья Ивановна и уходила въ темный коридоръ, но Мишель слѣдовалъ за ней и въ коридоръ. «Ну такъ я въ мезонинъ.» говорила она. Мишель шелъ за ней и въ мезонинъ. «Ну, будетъ... довольно... Я хочу сидѣть въ гостиной,» говорила Дарья Ивановна и шла въ гостиную. Мишель тоже слѣдовалъ за нею.

Что касается до комика, то предчувствіе Анны Сидоровны, что театръ опять собьетъ его съ панталыку, отчасти начало оправдываться. Въ тотъже день, онъ не пошелъ въ контору, а ушелъ вовторую комнату, затворилъ дверь, заставилъ ее комодомъ и принялся что-то бормотать. Не осушая глазъ, бѣдная женщина готовила въ этотъ день кушанье; но ѣсть ничего не могла. Браниться и говорить мужу тоже не хотѣла: она по опыту знала, что отъ этого не будетъ никакой пользы. Вечеромъ, она отправилась ко всенощной и со слезами молилась, чтобы отвратился ея Витя

отъ этой, словно съ вѣтра напущенной на него, блажи.

Когда она пришла домой, Рымовъ вышелъ уже изъ своей засады. Ему, видно, стало жаль жены, и онъ хотѣлъ было вразумить ее, но тщетно: она заткнула себѣ уши и не хотѣла ничего слушать. Комикъ разсердился и по прежнему легъ на диванъ. На этотъ разъ, Анна Сидоровна не звала уже его къ себѣ, и такимъ образомъ, долженъ съ грустію я сказать, что послѣ пятилѣтней спокойной жизни, супруги снова провели всю ночь на одинокихъ ложахъ, какъ это и часто случалось, когда Викторъ Павлычъ былъ въ труппѣ. На другой день Рымовъ, впрочемъ, пошелъ въ контору. Анна Сидоровна рѣшилась безъ него употребить послѣднее средство: она подсмотрѣла, куда мужъ спряталъ свою тетрадку, нашла ее, изорвала на мелкіе кусочки и сожгла. Пришедъ домой, комикъ сейчасъ-же хватился своей роли, но не нашелъ ее, вѣроятно, догадался о постигшей ее участи; но это для него ничего не значило: онъ тотчасъ-же написалъ всю роль на память и, какъ-бы въ досаду, показалъ ее Аннѣ Сидоровнѣ; но та уже и отвѣчать ничего не могла, а только вздохнула и, чтобы отплатить невѣрному, ушла на цѣлый вечеръ къ одной сосѣдкѣ, и тамъ, насколько доставало у ней силы, играла равнодушно въ свои козыри; но возвратясь домой, опять впала въ тоску и легла. Не смотря на всѣ эти отчаянные поступки жены, Рымовъ, кажется, рѣшился поставить на своемъ, и не обращалъ никакого вниманія на нее, что, конечно, еще болѣе убивало Анну Сидоровну.

Семнадцатаго февраля была назначена, по рас-

поряженію Аполлоса Михайлыча, первая репетиція. Дилетаевъ, какъ человѣкъ строгій и опытный въ театральномъ дѣлѣ настаивалъ, чтобы репетировали въ костюмахъ и весьма сожалѣлъ, что сцена, по многимъ мѣстнымъ неудобствамъ, не была еще окончательно готова. Передъ началомъ репетиціи, Аполлосъ Михайлычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тихое раздумье. «Я и Фани будемъ отличны, разсуждалъ онъ про себя, Рагузовъ будетъ эффектенъ; Рымовъ одной своей физіономіей насмѣшитъ всѣхъ; Матрена Матвѣвна будетъ тверда въ своей роли; ну, а если прочіе сыграютъ и посредственно, то все-таки спектакль сойдетъ хорошо. Главное, надобно, чтобы всѣ позаботились о костюмахъ и твердо-бы знали свои роли, а тамъ ужь музыкой и освѣщеніемъ можно будетъ пыль въ глаза бросить.»

Стулья въ залѣ, въ которой должна была происходить репетиція, еще съ утра были разставлены въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, то есть: часть ихъ отдѣлена для зрителей, а два кресла были поставлены на мѣсто, назначенное для сцены; выходить должны были изъ кабинета и изъ коридора. Дѣйствующія лица собрались въ шесть часовъ. Аполлосъ Михайлычъ, Матрена Матвѣвна и Фаничка пошли одѣваться. Зрителями первой піесы были: Рымовъ, Рагузовъ, Дарья Ивановна съ Мишелемъ и Юлій Карлычъ съ судьей: послѣдній былъ, замѣтно, въ состояніи полнаго ожесточенія и глядѣлъ совершеннымъ медвѣдемъ на всѣхъ и на все. Кромѣ этихъ зрителей не было никого: не смотря на убѣдительныя просьбы нѣкоторыхъ чиновниковъ и помѣщиковъ посмотрѣть репетицію, Аполлосъ Михайлычъ отказывалъ всѣмъ и каждо-

му наотрѣзъ, имѣя въ виду, что отъ этого потеряетъ много эффекту самый спектакль. Чрезъ часъ, изъ коридора вышла Матрена Матвѣвна въ напудренной прическѣ маркизы временъ Людовика XIV и въ бальномъ платьѣ; вскорѣ за ней явился и Виконтъ въ бархатномъ кафтанѣ, золотомъ камзолѣ, весь въ кружевахъ, въ парикѣ, съ маленькой шляпой, въ бѣлыхъ коротенькихъ и узенькихъ брюкахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Въ этомъ костюмѣ Аполлосу Михайлычу никто бы не далъ пятидесяти лѣтъ; но сверхъ того, самыя манеры его какъ будто-бы измѣнились: онъ былъ живъ, рѣзовъ, вертлявъ и ловокъ, такъ что своею особою невольно бросалъ весьма невыгодный оттѣнокъ на маркизу, которая, сравнительно съ нимъ, далеко не выражала ловкой парижанки. Никонъ Семенычъ, какъ знатокъ театра, замѣтилъ это съ перваго раза. Репетиція началась и продолжалась въ полномъ порядкѣ, и только Матрена Матвѣвна, не смотря на твердое и прилежное изученіе роли, все еще сбивалась; въ этомъ виноватъ былъ отчасти суфлёръ, въ которые Аполлосъ Михайлычъ выбралъ своего управляющаго, человѣка хорошо читающаго и очень аккуратнаго; но аккуратность-то эта именно и вредила тутъ. Матрена Матвѣвна, какъ мы уже знаемъ, говорила очень скоро и кой-что пропускала, а суфлёръ, никакъ не успѣвавшій за нею слѣдить, когда она останавливалась на концѣ фразы, не желая, по своей аккуратности, ничего пропускать, подсказывалъ ей проговоренный монологъ, отчего и выходила путаница, которая до того разсердила Аполлоса Михайлыча, что онъ назвалъ суфлёра дуракомъ. Впрочемъ, явленіе съ гризет-

кою выкупило все. Юлій Карлычъ пришелъ въ восторгъ, даже Рагузовъ похвалилъ; хлопали и Мишель съ Дарьей Ивановной; но они, я полагаю, дѣлали это съ насмѣшкою. *Исправленный повѣса*, наконецъ, былъ прорепетированъ. Матрена Матвѣвна просила Аполлоса Михайлыча еще поучить ее; онъ, конечно, обѣщался и тутъ же сдѣлалъ замѣчаніе насчетъ туалета, говоря, что, хотя бальное платье ея прелестно, но несогласно съ модою того времени, и обѣщался привести ей рисунокъ, по которому она и должна будетъ сшить себѣ платье, вполнѣ приличное маркизѣ.

За этой піесой слѣдовала *Женитьба*; но она вовсе не такъ была удачна, какъ первая. Сцены тетки съ невѣстой и наконецъ со свахой были очень слабы. Дарья Ивановна, никакъ не хотѣвшая надѣть настоящаго костюма, только стояла на сценѣ, и когда суфлёръ обращался къ ней, говоря: «вамъ», она отвѣчала: «скажи за меня,— я еще не выучила.» Фани была лучше всѣхъ, хотя, конечно, походила болѣе на барышню, нежели на купчиху; но по-крайней-мѣрѣ она знала свою роль. Матрена Матвѣвна, успѣвшая уже переодѣться, тоже знала свою роль, но и здѣсь у ней проявлялся прежній ея недостатокъ: она то говорила очень твердо, то останавливалась и, по неискусству суфлёра, не могла уже скоро поправиться. Сцена жениховъ рѣшительно никуда не годилась; судья и Мишель были безъ костюмовъ. Первый, вставая, объявилъ, что онъ еще и не училъ своей роли, и потомъ сталъ, съ трудомъ разбирая, читать ее по тетрадкѣ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно читаются дѣловыя бумаги. Мишель былъ несносенъ: онъ, подобно Дарьѣ Ивановнѣ, взду-

малъ было заставлять суфлёра читать за себя, но Аполлосъ Михайлычъ вышелъ изъ терпѣнія: крикнулъ на него и требовалъ, чтобы онъ непремѣнно игралъ настоящимъ манеромъ. Мишель, надувшись, началъ читать; но безъ всякого одушевленія. Юлій Карлычъ, не смотря на все свое усердіе, былъ тоже не совсѣмъ удовлетворителенъ, потому что онъ болѣе старался, нежели игралъ. Аполлосъ Михайлычъ качалъ головой, Рагузовъ тоже качалъ головой, но только съ насмѣшкою. Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ. Передъ тѣмъ явленіемъ, въ которомъ Подколесинъ долженъ былъ выдти съ Кочкаревымъ, комикъ подошелъ къ Дилетаеву.

— Піеса эта не можетъ идти, Аполлосъ Михайлычъ, сказалъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Это отчего?

— Она очень сложна; вы лучше замѣните ее другою: мы только будемъ путать.

— Ахъ, мой почтенный, какъ вы мало это дѣло знаете! Отчего теперь путаютъ? Оттого, что не знаютъ своихъ ролей, а когда выучатъ, то пойдетъ прекрасно.

— Нѣтъ, вообще ее играютъ невѣрно.

— Согласенъ: но что же такое? Да и кромѣ того: чего же вы хотите отъ фарса; его только надобно твердо выучить, а тамъ и будетъ смѣшно. Выходите, мой милый, играйте, смѣшите насъ, а о прочемъ не безпокойтесь, это мое дѣло привести все въ порядокъ. Конечно, она не можетъ идти такъ, какъ идетъ моя комедія, но никто этого и не требуетъ: достаточно, если мы будемъ смѣяться. Выходите, почтеннѣйшій Никонъ Семенычъ, вамъ слѣдуетъ!

Никонъ Семенычъ нехотя всталъ и пошелъ вмѣ-

стѣ съ комикомъ на сцену; но не смотря на то, что трагикъ былъ твердъ въ своей роли, что Рымовъ скроилъ пресмѣшную физіономію, первое дѣйствіе докончилось очень слабо.

Комикъ не выдержалъ: махнулъ рукой, отошелъ и всталъ къ окну. Рагузовъ смѣялся. Мишель съ Дарьей Ивановной тоже смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ былъ въ безпокойствѣ.

— Не конфузьтесь, господа, сдѣлайте милость, не конфузьтесь: въ такомъ дѣлѣ, по началу судить нельзя. Извольте начинать второе дѣйствіе. Фаничка! тебѣ, мой другъ, говорилъ онъ.

— Mon oncle, да что, я не знаю; у насъ что-то нехорошо идетъ, отвѣчала Фани.

— Ничего, моя милая, начинай!

— Что вамъ за охота, Аполлосъ Михайлычъ, заставлять насъ ломаться? замѣтилъ трагикъ.

— Не ломаться, Никонъ Семенычъ! повѣрьте, что не ломаться: выйдетъ недурно; для полноты спектакля эта піеса необходима: что не удастся въ ней, то наши съ вами вывезутъ. Начинай же, Фани!

Фаничка начала. Явился потомъ Кочкаревъ и, сверхъ ожиданія, это явленіе сошло очень недурно; но при появленіи прочихъ жениховъ, опять пошла путаница, и они кое-какъ были прогнаны невѣстой. Съ уходомъ ихъ, піеса пошла даже отлично. Рымовъ въ сценѣ съ невѣстой превзошелъ всѣ ожиданія. Всѣ разразились смѣхомъ; даже Фаничка не удержалась и захохотала. Послѣдующія явленія его съ Кочкаревымъ были хороши, а послѣдній монологъ, послѣ котораго онъ выскакиваетъ въ окно, неподражаемъ. Аполлосъ Михайлычъ хлопалъ, какъ съумасшедшій, и говорилъ, что

всѣ и все отлично. Но я долженъ сказать, что не все было отлично: трагикъ рѣдко попадалъ въ настоящій тонъ; Фаничка тоже; Аполлосъ Михайлычъ, впрочемъ, увѣрялъ, что это происходило отъ того, что она была слишкомъ молода для этой роли. Комикъ, съ нахмуреннымъ и сердитымъ лицомъ, сѣлъ на дальній стулъ и задумался.

— Вы извините меня, Аполлосъ Михайлычъ, сказалъ Юлій Карлычъ, подходя къ хозяину, что я не такъ твердо знаю. Право, я совершенно не имѣю памяти.

— Ничего, Юлій Карлычъ! Терпѣніе все преодолѣваетъ; вы еще удовлетворительнѣе прочихъ.

Судья, подобно комику, усѣлся въ углу и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Трагикъ и Фаничка скрылись. По окончаніи *Женитьбы*, слѣдовала, какъ переименовалъ Рагузовъ, драматическая фантазія: *Братья разбойники*. Чрезъ полчаса, изъ кабинета хозяина вышелъ Никонъ Семенычъ въ извѣстномъ уже намъ костюмѣ, т. е. въ красныхъ широкихъ шальварахъ, перетянутый шелковымъ, изумруднаго цвѣта, кушакомъ, въ какомъ-то легонькомъ казакинѣ, въ ухарской шапочкѣ, съ усами, набѣленый и нарумяненый.

— Гдѣ же другіе разбойники? спросилъ онъ.

— Будутъ, будутъ, не безпокойтесь, отвѣчалъ хозяинъ, сего-дня, конечно, не въ костюмахъ, но это ничего.

— Отчего же въ вашей піесѣ всѣ были костюмированы? проговорилъ съ досадою Рагузовъ.

— Какъ же вы, Никонъ Семенычъ, сравниваете мою піесу: тамъ только три лица, а у васъ ихъ десять; кромѣ того, моя комедія уже три года, какъ готова; а ваша только еще вчера сочинилась.

— Извините: она постарше вашей; о себѣ-то вы все придумали, а о другихъ только нѣтъ.

— Я думаю обо всѣхъ и обдумалъ уже все; костюмы ваши несложны, они въ два дня поспѣютъ.

Явилась Фани въ костюмѣ любовницы разбойника, и можно сказать, что нарядъ ея былъ очень хорошъ. На головѣ ея была тоже какая-то шапочка, станъ обхватывался коротенькимъ съ корсажемъ платьецемъ, сшитымъ наподобіе швейцарскихъ.

— Этотъ костюмъ невѣренъ, Mademoiselle, сказалъ трагикъ, осматривая ее.

— Мнѣ дядинька его сочинилъ, отвѣчала Фани.

— Какъ вы, Никонъ Семенычъ, говорите—невѣренъ, воскликнулъ Дилетаевъ, сами назвали поэму драматической фантазіей, а не довольны фантастическимъ костюмомъ. На васъ самихъ костюмъ очень необыкновенный.

— У меня-то ужь вовсе обыкновенный и самый національный.

— Ну и прекрасно, будь по вашему; я уже себѣ далъ слово съ вами не спорить: Фани будетъ играть въ этомъ костюмѣ. Это рѣшено.

Трагикъ насмѣшливо улыбнулся.

— А гдѣ же разбойники? повторилъ онъ.

— Сейчасъ.... Юлій Карлычъ, Мишель, Осипъ Касьянычъ, пойдемте въ разбойники, произнесъ хозяинъ, приподымаясь. Викторъ Павлычъ! потрутитесь и вы; мы васъ одѣнемъ старымъ подъячимъ, которые всегда присутствовали въ разбойничьихъ шайкахъ.

На этотъ призывъ хозяина поднялся только одинъ Юлій Карлычъ.

— Сдѣлайте милость, господа, повторилъ настоятельно хозяинъ: Мишель, ступай, кинь папиросу, точно не накуришься! Осипъ Касьянычъ, пожалуйте! Полно вамъ тамъ сидѣть въ углу. Викторъ Павлычъ, пойдемте, прибавилъ хозяинъ, беря комика за руку.

Гости нехотя вышли на сцену.

— Только-то? спросилъ Никонъ Семенычъ.

— Покуда только, а на представленіе я приготовлю лакеевъ. Размѣщайте картину сообразно вашему плану.

Трагикъ началъ: на аванъ-сцену онъ посадилъ самого хозяина въ позѣ кровожаднаго эсаула. Судью, какъ онъ не отнѣкивался, Никонъ Семенычъ положилъ на землю плашмя и велѣлъ ему дремать; Мишель былъ тоже положенъ, но съ лицемъ, обращеннымъ къ самому трагику. Комикъ посаженъ былъ на корточки; актерская натура его и тутъ не выдержала: онъ скорчилъ такую уморительную физіономію, что всѣ разбойники и дамы захохотали. Фани посажена была около самого Никона Семеныча и должна была опираться на его плечо; она исполнила это съ большимъ надъ собою усиліемъ.

Твердо, съ одушевленіемъ и съ большою драматическою аффектаціею, началъ Никонъ Семенычъ свою роль, обращаясь поперемѣнно, то къ тому, то къ другому разбойнику, которые слушали его; но онъ, по преимуществу, остался доволенъ самимъ хозяиномъ и комикомъ. Первый, дѣйствительно, дѣлалъ чрезвычайно звѣрскую физіономію, когда трагикъ разсказывалъ объ убогомъ и о богатомъ жидахъ, которыхъ онъ рѣзалъ на дорогѣ; второй же выражалъ другого рода чувства: робость,

подлость и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже кровожадность, и былъ такъ смѣшонъ, что бывшія зрительницами, Матрена Матвѣвна и Дарья Ивановна, не смотря на серьозное содержаніе піесы, хохотали. Фани, въ роли любовницы, была хороша, только очень мало обращалась къ своему любовнику, впрочемъ произносила стихи съ чувствомъ. Драматическая фантазія сошла очень удовлетворительно, такъ что Аполлосъ Михайлычъ сказалъ:

— Я не ожидалъ, чтобы все это сошло такъ недурно. Вы очень хороши, Никонъ Семенычъ, въ драматической поэзіи.

Затѣмъ слѣдовала пѣсня: *осѣдлаю коня* — Дарьи Ивановны и *качуча*—Фани. Хозяинъ настоялъ, чтобъ и они прорепетировали и привелъ по этому случаю извѣстную пословицу: Repetitia est mater studiorum. Дарья Ивановна, акомпанируя себѣ, пропѣла свой chef-d'oeuvre и привела снова въ восторгъ Никона Семеныча, который приблизился было къ ней съ похвалою, но въ тоже время подошелъ къ молодой дамѣ Мишель, и она, отвернувшись отъ трагика, заговорила съ тѣмъ. Фаничка подсѣла къ комику.

— Какъ вы хорошо играете, сказала она, лучше всѣхъ насъ; вы поучите меня играть?

— Наша піеса не пойдетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же?

— Она очень дурно выполняется.

— Но вы хорошо играете.

— Я одинъ ничего не значу.

— Фаничка, тебѣ танцовать качучу; переодѣнься, моя милая, въ другой костюмъ, произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

Фани убѣжала въ свою комнату, и когда яви-

лась, то была уже одѣта совершенно по балетному: даже въ трико, которое нарочно купилъ для нея Аполлосъ Михайлычъ въ Москвѣ. Дарья Ивановна сѣла играть за фортепіано. Впечатлѣніе, произведенное танцами Фани, было таково же, какъ и прежде. Трагикъ качалъ отъ удовольствія головою; Матрена Матвѣвна дѣлала ей ручкой; комикъ смотрѣлъ на дѣвушку гораздо внимательнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Актеры разошлись очень поздно, оставивъ хозяина въ совершенномъ утомленіи. Пришедъ въ свой кабинетъ, Аполлосъ Михайлычъ бросился въ свои покойныя кресла.

— Охъ, Творецъ небесный, какъ я усталъ! — вотъ пословица говорится: охота пуще неволи; ахъ, какъ всѣ они мало искусство-то понимаютъ: просто, никто ничего не смыслитъ! произнесъ онъ самъ съ собою, и будучи уже болѣе не въ состояніи ничего ни думать, ни дѣлать, раздѣлся и бросился въ постель.

V.

ХЛОПОТЫ АНТРЕПРЕНЕРА.

На другой день, Дилетаевъ лежалъ еще въ постелѣ, когда подали ему письмо отъ Рымова, въ которомъ тотъ отказывался играть и писалъ, что у него больна жена, и что комедія, въ которой онъ участвуетъ, такъ дурно идетъ, что ее непримѣнно слѣдуетъ исключить.

— Вотъ тебѣ на! проговорилъ Аполлосъ Михайлычъ совершенно пораженный. На кого была надежда, тотъ и лопнулъ. Завидно вотъ, почему

моя піеса идетъ лучше всего. Какое это дьявольское артистическое самолюбіе! Съ простыми людьми, право, легче составлять спектакли; тѣ, покрайней-мѣрѣ, не умничаютъ, а исполняютъ, что велятъ. Велика фигура — мѣщанинъ какой-то, и тотъ важничаетъ!

Но и простые люди вышли не лучше комика: судья тоже прислалъ записку, въ которой напрямикъ отказывался и увѣдомлялъ, что онъ завтра-же отбудетъ въ отпускъ въ губернію.

Дилетаевъ не выдержалъ и разорвавъ обѣ записки на мелкіе куски, бросилъ ихъ на полъ.

— Вотъ вамъ люди! продолжалъ онъ, обращаясь къ окну, изъ котораго виднѣлась городская площадь, усыпанная, по случаю базара, народомъ, — позови обѣдать, — такъ пѣшкомъ прибѣгутъ! покровительство нужно, — на колѣни, подлецъ, встанетъ, въ грязи въ ноги поклонится! а затѣй что-нибудь поблагороднѣе, такъ и жена больна, и въ отпускъ надобно ѣхать... Погодите, мои милые, дайте мнѣ только дѣло это кончить: въ калитку мою вы не заглянете...

Размысливъ хорошенько, Аполлосъ Михайлычъ о судьѣ уже не жалѣлъ, потому что тотъ и по характеру былъ большой невѣжа да и играть совершенно не умѣлъ; но комика Дилетаевъ поклялся не выпускать изъ рукъ, вслѣдствіе чего тотчасъ-же спросилъ себѣ одѣваться, велѣлъ закладывать лошадь и проѣхалъ прямо къ Рымову. Здѣсь онъ увидѣлъ довольно странную сцену: на стулѣ, у окна, сидѣлъ со всѣмъ растрепанный комикъ, съ лицомъ мрачнымъ и немытымъ; тутъ же на маленькой скамейкѣ, приникнувъ головой къ колѣнямъ мужа, сидѣла Анна Сидоровна, уставивъ

на него свои маленькіе глаза, исполненные нѣжности. Кромѣ того она цѣловала его руку. Читатель, вѣроятно, догадывается, что подобное семейное счастіе возникло вслѣдствіе отказа Рымова участвовать въ спектаклѣ.

— Виноватъ... проговорилъ Аполлосъ Михайлычъ, попятившись назадъ.

Комикъ вскочилъ и толкнулъ жену ногою. Та вскрикнула и убѣжала.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь. Я пріѣхалъ на два слова: побраню васъ и уѣду, проговорилъ гость, между тѣмъ, какъ сконфуженный хозяинъ рѣшительно не находился, какъ бы поправить свой туалетъ.

— Позвольте, произнесъ онъ, хватаясь за пальто и натягивая на себя.

— Опять повторяю, не безпокойтесь, проговорилъ гость: артистамъ, другъ съ другомъ, нечего церемониться. Во-первыхъ, супруга ваша не больна; во-вторыхъ, комедія идетъ безподобно; стало быть, всѣ препятствія разбиты мною въ прахъ и, слѣдовательно, вы не скроете и не закопаете вашего таланта, а блеснете имъ во всей красѣ.

— Нѣтъ-съ, я не могу играть Аполлосъ Михайлычъ, возразилъ комикъ.

— Вы можете и вы будете играть.

— Помилуйте, сдѣлайте милость, не безпокойтесь: мой мужъ не такъ здоровъ... зачѣмъ-же ему себя изнурять, произнесла, выходя, Анна Сидоровна, въ сильномъ волненіи.

— Мужъ вашъ сударыня, здоровъ, вы тоже; все обстоитъ благополучно, по этому они будутъ

играть, а вы будете любоваться. Мнѣ очень совѣстно, что вы не пожаловали на нашу первую репетицію. Я, въ моихъ хлопотахъ, совершенно забылъ послать за вами экипажъ; но впередъ этого ужь не будетъ.

— Благодарю васъ; я не охотница, произнесла она отрывисто. Вы кажется, Викторъ Павлычъ, сами говорили, что больны и, кажется — не молоденькій ломаться. Что-же это такое? Кто васъ не позоветъ, вы сейчасъ соглашаетесь, прибавила она, обращаясь къ мужу.

Комикъ стоялъ нахмурившись; Дилетаевъ вышелъ изъ терпѣнья и пожалъ плечами.

— Я имѣю, сударыня, дѣло не съ вами, а съ вашимъ мужемъ, замѣтилъ онъ. Не угодно-ли вамъ, Викторъ Павлычъ, по-крайней-мѣрѣ, объяснить мнѣ, почему вы не желаете участвовать въ нашемъ спектаклѣ. Общество у меня собрано приличное, и васъ ни коимъ образомъ не можетъ компрометировать. Если вы недовольны піесой, то и это опять несправедливо. Вы сами ее очень хвалили. Я, съ своей стороны, готовъ-бы даже былъ уступить вамъ свою роль изъ моей комедіи, которая дѣйствительно идетъ очень хорошо. Но сами согласитесь: я авторъ и писалъ ее нарочно для себя. Кромѣ того, Викторъ Павлычъ, я позволяю себѣ вамъ замѣтить, что у меня играютъ люди благородные, которые и не сродны къ этому дѣлу, и заняты другими обязанностями; но они, желая доставить мнѣ удовольствіе, играютъ. Я долженъ прямо вамъ сказать, что въ послѣдствіи времени, могъ-бы быть полезенъ для васъ.

— Намъ, бѣднымъ людямъ, не слѣдъ мѣшать-

ся между благородными, возразила Анна Сидоровна.

Но Аполлосъ Михайлычъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова.

— Сдѣлайте милость, господинъ Рымовъ, рѣшите мое сомнѣніе, отнесся онъ къ комику.

— Я отказываюсь потому, что эта піеса не можетъ идти, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего-же не можетъ?

— Оттого, что никто не играетъ.

— Вовсе нѣтъ-съ, напротивъ: всѣ играютъ, а ролей только еще не знаютъ. Развѣ Фани не играетъ? Развѣ Никонъ Семенычъ не отчетливо хорошъ въ Кочкаревѣ?

— Они знаютъ роли.

— И съ этимъ я не согласенъ. Они выполняютъ роли, а прочіе тоже выучатъ, — это ужь мое дѣло!

— Прочіе даже и стоятъ на сценѣ не умѣютъ.

— Вы очень строго судите, милый мой, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. Не знаю, участвовали-ли вы когда-нибудь въ благородныхъ спектакляхъ, но только я скажу, что это совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ публичный театръ. На насъ будутъ смотрѣть, какъ на любителей, которые, для собственнаго удовольствія, разучили нѣсколько сценъ — и только. Вы сказали, что Осипъ Касьянычъ, Юлій Карлычъ и Мишель не умѣютъ стоять на сценѣ. Это совершенно справедливо, и повѣрьте: я имѣя это въ виду, сегодня ночью придумалъ превосходный оборотъ. Мы выкинемъ изъ піесы всѣ сцены, гдѣ участвуетъ экзекуторъ, морякъ, офицеръ этотъ и, наконецъ, сваха и тетка.

— Какъ-же вы это выкинете? спросилъ комикъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Такъ просто: какъ обыкновенно выкидываютъ.

— Тогда выйдетъ чушь, которой нельзя будетъ и понять, возразилъ комикъ.

— Изъ фарса, г. Рымовъ, что ни дѣлай, никогда чушь не выйдетъ, потому что онъ самъ по себѣ чушь. Но эта піеска переработается даже прекрасно, такъ что перещеголяетъ, я думаю, подлинникъ, потому что будетъ имѣть единство.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя.

— Нѣтъ-съ, можно! Извольте слушать; первое явленіе: вы со слугой. Слугу буду играть я самъ. Угодно вамъ? Хотя это и не моя роль, и не моего вкуса, но для театра я готовъ пожертвовать всѣмъ. Свахи нѣтъ. Является Кочкаревъ и съ нимъ вся сцена. Потомъ, зачеркивается все и начинается съ того мѣста, гдѣ невѣста разсуждаетъ о женихахъ. Приходитъ Кочкаревъ, совѣтуетъ ей брать Подколесина и приводитъ его, а тутъ опять можетъ идти все сплошъ. Такимъ образомъ, піеса прекрасно начнется и отлично кончится.

Комикъ все еще недоумѣвалъ, но было замѣтно, что остроумная выдумка Аполлосъ Михайлыча сильно его поколебала.

— Полноте, мой любезнѣйшій, Викторъ Павлычъ, нечего думать и разсуждать. Поѣдемте сейчасъ-же ко мнѣ и примемся за передѣлку комедіи. Не хуже-же, чортъ возьми, Рагузова мы справимся съ этимъ дѣломъ: онъ прибавляетъ, а мы будемъ убавлять. Я мастеръ на эти дѣла, если-бы охота пришла, такъ бы этакихъ фарсовъ по де-

сятку въ ночь писалъ. Ну-съ — по рукамъ!... прибавилъ Дилетаевъ.

— Я такимъ образомъ согласенъ-съ, проговорилъ комикъ. Анна Сидоровна поблѣднѣла и задрожала. Она взглянула на мужа, но тотъ отвернулся.

— Итакъ!.. произнесъ съ восторгомъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Сейчасъ буду готовъ, отвѣчалъ Рымовъ и ушелъ въ сосѣднюю комнату. Анна Сидоровна кинулась было за нимъ, но дверь была заперта.

— Какъ я радъ, что уговорилъ вашего супруга, отнесся къ ней гость, но она ничего ему не отвѣтила и тотчасъ же вышла изъ комнаты, прошла въ кухню, сѣла на лавку и горько заплакала.

Рымовъ уѣхалъ съ Дилетаевымъ.

Женитьба въ одинъ день была передѣлана, какъ нельзя удобнѣе для сцены. Въ дальнѣйшее затѣмъ время, Аполлосъ Михайлычъ работалъ неутомимо. Онъ пригласилъ городскихъ жителей всѣхъ классовъ и разослалъ нѣсколько пригласительныхъ билетовъ къ помѣщикамъ въ усадьбы. Репетиціи шли довольно ужь твердо. Костюмы для разбойниковъ были приготовлены. Матрена Матвѣвна менѣе и менѣе ошибалась въ репликахъ. Рымовъ смѣшилъ всѣхъ до истерики; однимъ словомъ, все это было хорошо, и Дилетаева безпокоила одна только механическая часть. Представленіе должно было произойдти на фабрикѣ у купца Яблочкина, производящаго полотно, который, по просьбѣ Дилетаева и по старинному съ нимъ знакомству, далъ для театра огромную залу въ своемъ заведеніи; но все-таки, онъ былъ купецъ и по этому имѣлъ большіе предразсудки, такъ, на-

примѣръ: залу далъ, — даже фабричное производство на всю масляницу остановилъ, но требовалъ, чтобы ни одного гвоздя ни въ полъ, ни въ стѣны не было вколочено. Прошу, при этакихъ условіяхъ, помѣстить всю театральную обстановку! Одна только геніальная изобрѣтательность и необыкновенное знаніе дѣла Аполлоса Михайлыча могли все это обдѣлать. Въ залѣ, предназначенной для публики, было поставлено нѣсколько рядовъ креселъ и сверхъ того, взади, возвышался амфитеатромъ раёкъ для купцовъ и мѣщанъ. Сцена была возвышенная; подзоры, очень затѣйливо нарисованные, подъ пунцовые бархатные драпри, повѣсились. Декораціи, то есть: голубая комната, а на другой сторонѣ желтая, и лѣсъ, были привезены изъ усадьбы Дилетаева и поставлены. Наконецъ, опустился и передній занавѣсъ, — онъ былъ вновь изготовленъ. Антрепренеръ показалъ и здѣсь неподражаемую свою изобрѣтательность: у него были очень старинные, но прелестные французскіе обои, которые представляли маленькихъ, летящихъ амурчиковъ и еще, тоже старинной, но прекрасной работы, эстампъ, изображающій Талію. Эта-то Талія и сотни три амурчиковъ были вырѣзаны изъ своихъ мѣстъ и наклеены на голубой каленкоръ. Талія, конечно, помѣстилась въ срединѣ и къ ней со всѣхъ сторонъ слетались амурчики; видъ былъ прелестный, особенно, при вечернемъ освѣщеніи. Аполлосъ Михайлычъ водилъ всѣхъ своихъ актеровъ полюбоваться своимъ изобрѣтеніемъ. Уборныя для мужчинъ и дамъ были тоже приготовлены: кавалерамъ въ холодномъ чуланѣ, для согрѣванія котораго Дилетаевъ предполагалъ въ день представленія поставить три самовара; а

для дамъ въ сосѣдней сторожкѣ, которую, по этому случаю, оклеили обоями, а находящуюся въ ней русскую печь заставили ширмами.

Болѣе всего Аполлосъ Михайлычъ хлопоталъ съ оркестромъ. При первомъ испытаніи оказалось, что Никонъ Семенычъ вовсе не занимался музыкой и неизвѣстно для чего содержалъ всю эту сволочь. Капельмейстеръ, державшій первую скрипку, былъ лѣнивѣйшее въ мірѣ животное: вмѣсто того, чтобы упражнять оркестръ и совершенствоваться самому въ музыкѣ, онъ или спалъ, или удилъ рыбу, или, наконецъ, игралъ съ барской собакой на дворѣ; про прочую братію и говорить нечего: мальчишка волторнистъ былъ такой шалунъ, что его слѣдовало бы непремѣнно разъ по семи въ день сѣчь: въ волторну свою онъ насыпалъ песку, наливалъ щей и даже засовывалъ въ широкое отверзстіе ея маленькихъ котятъ. Вторая скрипка только еще другой мѣсяцъ начала учиться. На флейтѣ игралъ старичишка — глухой, вялый; онъ, обыкновенно, отставалъ отъ прочихъ по-крайней-мѣрѣ на двѣ или на три связки, которыя и доигрывалъ послѣ; другіе и того были хуже: на віолончелѣ бы игралъ порядочный музыкантъ, но былъ страшный пьяница и у него чрезвычайно дрожали руки; въ барабанъ колотилъ кто придется, вслѣдствіе чего Аполлосъ Михайлычъ и принужденъ былъ барабанъ совсѣмъ выкинуть. Кадрили они играли еще сносно, конечно флейта дѣлала грубыя ошибки, а волторнистъ отпускалъ какую-нибудь шалость; но, по-крайней-мѣрѣ, самъ капельмейстеръ и крѣпко запивающая віолончель дѣлали свое дѣло, однако при всемъ томъ — не кадрили же играть на спектаклѣ?

Дилетаевъ пришелъ въ ужасъ, когда разсмотрѣлъ ихъ репертуаръ: музыканты играли всего только двѣ французскія кадрили, мазурку Хлопицкаго, симфонію изъ *Калифа Багдадскаго* и какую-то старую увертюру изъ *Русалки*, да нѣсколько Русскихъ пѣсень. — Что прикажите при такой бѣдности избрать на четыре антракта? А главное: подъ какую музыку будетъ танцовать Фани? Онъ далъ было имъ для разученія фортепьянныя ноты качучи, но капельмейстеръ рѣшительно отказался, говоря, что онъ не умѣетъ переложить, потому что не знаетъ генералъ-баса. Дилетаевъ сказалъ въ глаза Никону Семенычу, что ему приличнѣе держать лошадиный заводъ, чѣмъ музыкантовъ; но тотъ этимъ не обидѣлся, потому что въ это время былъ занятъ своимъ дѣломъ: онъ сочинялъ еще новый монологъ въ своей драматической фантазіи.

Покорившись необходимости, Дилетаевъ съ музыкой распорядился такимъ образомъ: передъ представленіемъ, для съѣзда, онъ назначилъ французскую кадриль, между первымъ и вторымъ актомъ — мазурку, которую они лучше всего исполняли; передъ *Женитьбой* — *лучинушку* и *небылы-то-ли снѣжки*; передъ драматической фантазіей симфонію изъ Калифа Багдадскаго и наконецъ — передъ дивертисманомъ увертюру изъ *Русалки*. Фани свою качучу должна была танцовать подъ игру Дарьи Ивановны на фортепьяно.

Афишки написалъ самъ Аполлосъ Михайлычъ. Онѣ были таковы:

184 года.

Ж......ъ,

Спектакль любителей, составленный Аполлосомъ Михайлычемъ Дилетаевымъ.

1.

ВИКОНТЪ И ГРИЗЕТКА или ИСПРАВЛЕННЫЙ ПОВѢСА.

Оригинальная комедія, сочиненія Аполлоса Дилетаева.

Дѣйствующія лица:

Маркиза Монъ-Бланъ. . . . . **М. М. Рыжова.**
Виконтъ Де-Сусье . . . . **А. М. Дилетаевъ.**
Роза-гризетка. . . . . **Ф. П. Дилетаева.**

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ царствованіе Людовика XIV, на дачѣ близъ онаго.

2.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖЕНИТЬБЫ,

Комедіи, соч. Гоголя, передѣланныя и поставленныя на сцену В. П. Рымовымъ.

Дѣйствующія лица:

Подколесинъ. . . . . **В. П. Рымовъ.**
Кочкаревъ, его другъ. . . . . **П. С. Рагузовъ.**
Невѣста. . . . . **Ф. П. Дилетаева.**
Степанъ, слуга Подколесина. . . . . . **А. М. Дилетаевъ.**

3.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

Драматическая фантазія, передѣланная изъ поэмы Пушкина, того же наименованія, Н. С. Рагузовымъ, со вновь изобрѣтенными костюмами и декораціями.

Дѣйствующія лица:

Атаманъ разбойникъ. . . . . **Н. С. Рагузовъ.**
Елена, его любовница . . . . **Ф. П. Дилетаева.**
Разбойники:
. . . . **А. М. Дилетаевъ.**
. . . . **М. Н. Дилетаевъ.**
. . . . **В. К. Вейсборъ.**
. . . . } и другіе.
. . . .
Старинный подъячій . . . . **В. П. Рымовъ.**

Въ заключеніе данъ будетъ:

ДИВЕРТИСМАНЪ,

въ коемъ Ф. П. Дилетаева будетъ плясать качучу, въ національномъ костюмѣ; а Д. И. Здруева будетъ пѣть романсъ: *«Осѣдлаю коня!»*

Начало въ семь часовъ. Представленіе произойдетъ на фабричномъ заведеніи г. Яблочкина. Билеты, безъ платы, могутъ получаться отъ самого г. Дилетаева. Дѣти никакимъ образомъ не могутъ быть приводимы. Входъ на сцену публикѣ запрещается.

Захлопотавшись по театру, Аполлосъ Михайлычъ чрезвычайно много надѣлалъ ошибокъ въ приглашеніи гостей и сбился въ раздачѣ билетовъ: людямъ почтеннымъ и уважаемымъ досталось въ заднихъ рядахъ, а на передніе насажалъ дрянь; другимъ, тоже очень значительнымъ семействамъ, вовсе не достало мѣста, и наконецъ хуже всего, по общему говору, было то, что онъ взади устроилъ раёкъ для черни, которая, по всѣмъ соображеніямъ, должна была произвести непріятный для другого общества воздухъ.

Рымовъ очень много помогалъ Аполлосу Михайлычу и училъ потихоньку Фани, которая, надобно сказать, оказала большіе успѣхи. Онъ сдѣлалъ изъ нея совсѣмъ купеческую невѣсту, такъ что на одной репетиціи Аполлосъ Михайлычъ удивился.

— Вотъ что значитъ, говорилъ онъ, классическое, сценическое воспитаніе, которое я далъ Фани: она сыграетъ всякую роль!

Такимъ образомъ, одушевился комикъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, «Женитьба» пошла очень твердо, а во-вторыхъ, Анна Сидоровна отбыла изъ города. Какимъ образомъ это случилось, мы увидимъ дальше.

VI.

РЫМОВЫ И ИХЪ ПРОШЕДШЕЕ.

Анна Сидоровна, которую мы оставили въ слезахъ, не смотря на страстную любовь къ мужу, пришла противъ него въ сильное ожесточеніе: она первоначально заперла ворота, вѣроятно съ цѣлію не пускать его домой, потомъ открыла комодъ и выбросила весь гардеробъ супруга на дворъ. Вспомнивъ, что у нея есть, подаренная Витею, чашка, она тотчасъ же разбила ее въ дребезги, и наконецъ, утомленная и истерзанная, сѣла. Въ воротахъ послышался стукъ. Анна Сидоровна все забыла. Ей представилось, что это стучится воротившійся мужъ, который, можетъ быть, разсорился съ злодѣемъ Дилетаевымъ, отказался отъ проклятаго театра и возвращается къ ней. При всей своей полнотѣ, она, скачками, пробѣжала сѣни, дворъ и отворила калитку. Передъ ней стоялъ лакей въ ливреѣ. Анна Сидоровна попятилась.

— Чей ты, батюшка? проговорила она.

— Дилетаевскій. Здѣсь Викторъ Павлычъ живетъ? спросилъ тотъ.

— Никакого нѣтъ здѣсь для васъ Виктора Павлыча. Убирайтесь, откуда пришли.

— Имъ письмо барышня прислала, говорилъ лакей.

— Какая барышня?

— Наша барышня.

— Дай сюда, вскрикнула Анна Сидоровна, и вырвавъ проворно изъ рукъ лакея записку, за-

хлопнула калитку; ничего не понимая, ничего не размышляя, она, тутъ же на улицѣ, начала читать письмо; это была записка отъ Фани, которая писала: «Приходите, Викторъ Павлычъ, сегодня вечеромъ, къ намъ; но только потихоньку, чтобы дядинька не видалъ; онъ не любитъ, чтобы меня другіе учили; вы всѣ роли прочитаете. Вы мнѣ очень понравились; какъ вы славно играете. Пройдите заднимъ крыльцомъ и спросите меня.»

Бѣдная женщина, прочитавъ эти роковыя строки, сдѣлалась совершенно съумасшедшей. Бросилась было къ городничему съ намѣреніемъ пожаловаться на мужа; но тамъ ее дежурный солдатъ не пустилъ, потому что градоначальникъ въ то время спалъ, и сказалъ ей, чтобъ она пришла вечеромъ въ полицію. Возвратившись въ свою квартиру, она схватила мужнинъ фракъ, изрѣзала его вдоль и поперекъ, кинула сапоги его въ колодезь, и написавъ какую-то записку, положила ее на столъ, собрала потомъ нѣсколько своихъ платьевъ, перебила затѣмъ всѣ горшки въ кухнѣ и пошла сначала по улицѣ, а потомъ и за городъ. Пройдя около двухъ верстъ, она начала нанимать ѣхавшаго съ базара мужика отвезти ее въ Кузмищево, сторговалась съ нимъ и поѣхала. Въ Кузмищевѣ проживали двѣ благородныя, старыя дѣвушки помѣщицы, которыя принимали въ Аннѣ Сидоровнѣ большое участіе и просили ее пріѣзжать къ нимъ погостить всякой разъ, какъ закутитъ ея пьянчужка.

Рымовъ возвратился домой отъ Аполлоса Михайлыча часу въ пятомъ. Увидѣвъ разбросанное на дворѣ свое платье, онъ, кажется, не удивился и вошелъ въ квартиру. Здѣсь открылось еще бо-

лѣе: на полу валялась разбитая чашка, самоваръ былъ опрокинутъ и, наконецъ, на стулѣ лежалъ изрѣзанный фракъ. Рымовъ поблѣднѣлъ. «Этакая дура!» воскликнулъ онъ, «этакой уродъ безобразный!» продолжалъ комикъ и, сжавъ кулаки, пошелъ искать Анны Сидоровны; но, конечно, не нашелъ.

— Ну, скажите пожалуйста, продолжалъ онъ, съ горькою улыбкою, разсматривая свой фракъ, не совсѣмъ-ли это съумасшедшая женщина! Ну, голубушка, погоди! ты у меня мѣсяца два просидишь на одномъ хлѣбѣ. Я фракъ себѣ сошью, а ты у меня поголодаешь!...

Проговоря эти слова, комикъ вздохнулъ и началъ подбирать разбросанныя вещи. Тутъ ему попалась на глаза записка Анны Сидоровны. Онъ ее прочиталъ и усмѣхнулся.

Анна Сидоровна писала такъ: «Безпремѣнно, вы не увидите меня, я уѣхала къ моимъ благодѣтельницамъ. Оставайтесь съ вашими записочками. Дай Богъ вамъ нажить другую такую; но я скажу, ни одна не будетъ переносить столько отъ вашего пьянства и безобразія, подлый этакой человѣкъ.»

«Анна Рымова».

По самому почерку и подписи фамиліи замѣтно было, что послѣднія слова были написаны въ сильномъ ожесточеніи.

Для разъясненія и, отчасти, оправданія страннаго предубѣжденія, которое имѣла Анна Сидоровна противъ театра, я намѣренъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о прошедшемъ Рымовыхъ: происхожденіе Виктора Павлыча было очень темное, и я знаю только то, что на семнадцатомъ году у него не было ни отца, ни матери, ни родныхъ, и онъ съ третьяго класса гимназіи содержалъ себя

самъ, учивъ за столъ, квартиру и вицъ-мундиръ, маленькаго, но богатаго гимназистика изъ перваго класса, у котораго и оставался менторомъ до самого выпуска. Большимъ рвеніемъ къ наукамъ Рымовъ не отличался, но замѣчателенъ былъ способностію передразнивать: онъ неподражаемо копировалъ учителей, трактирныхъ половыхъ, купцовъ, помѣщиковъ на станціяхъ; но кромѣ того представлялъ даже, какъ собаки лаютъ, жеребца на выводкѣ, громъ съ молніей, и все это весьма искусно, чему, можетъ быть, много способствовало его необыкновенно подвижное лицо. Въ мѣстный театръ онъ ходилъ всякой разъ, какъ заводился въ карманѣ трех-гривенный, и всѣ почти комедіи зналъ наизусть. Званіе домашняго учителя, по безпечности характера, ему очень нравилось, и потому, кончивъ курсъ гимназіи, онъ продолжалъ заниматься частными уроками, перебывалъ, покрайней-мѣрѣ, въ пятнадцати губерніяхъ, попалъ наконецъ въ Москву и поступилъ къ одной старухѣ, для образованія ея внучка. У старухи кромѣ того была еще воспитанница, дѣвица лѣтъ около двадцати-пяти, румяная, полная и очень живая и веселая. Съ перваго же раза она начала съ молодымъ учителемъ заигрывать: то обольетъ его водой изъ окна, то пришьетъ къ простынѣ, когда онъ спитъ послѣ обѣда, раскидаетъ по полу всѣ его книги, запретъ его въ комнатѣ и унесетъ съ собою ключь. Рымову было тогда двадцать два года; онъ началъ шалуньѣ отвѣчать тѣмъ же: напугаетъ ночью въ коридорѣ, кинетъ ей нечаянно изъ саду въ окно мячемъ, или забьется къ ней подъ кровать, когда она идетъ спать. Наконецъ, игрушки ихъ зашли очень далеко. Старуха узнала

и обоихъ прогнала. Бѣдные любовники поселились вмѣстѣ. Рымовъ первый опомнился въ своей необдуманности. Бѣдность была страшная; надежды впереди—никакой, но этого еще мало: приглядѣвшись къ Аннушкѣ, онъ сильно въ ней разочаровался; она была замѣтно простовата, совершенно необразованна и, наконецъ, связывала его, что называется, по рукамъ и по ногамъ. Но не то было съ Анной Сидоровной: страсть ея день ото дня разгоралась: прямо и вкось, слезами, просьбою и бранью, она требовала, чтобы онъ женился на ней. Рымовъ долго не сдавался и, между прочимъ, началъ попивать, ничего не дѣлалъ, а только кутилъ и буянилъ. — Все сносила Анна Сидоровна и настояла наконецъ на своемъ, то есть, сдѣлалась его женою. Съ этихъ поръ, судьба Рымова и даже самъ онъ—измѣнились къ лучшему: онъ нашелъ, по рекомендаціи своего стараго товарища, нѣсколько уроковъ, пересталъ пить, тосковать, и все пошло, какъ нельзя лучше. Маленькія, семейныя сцены выходили только изъ того, что Рымовъ, какъ самъ онъ выражался, ненавидѣлъ лизанья, а Анна Сидоровна была очень нѣжна и страстна. Въ это блаженное время, она съ каждымъ днемъ полнѣла и развилась до того значительнаго размѣра, въ которомъ мы ее встрѣтили. Однажды затѣялся въ одномъ домѣ, гдѣ Викторъ Павлычъ давалъ уроки, театръ; его пригласили; сначала Анна Сидоровна ничего: была даже рада и очень смѣялась, когда ея Витя игралъ какого-то старика; одно только ей не понравилось, что онъ, по ходу піесы, поцѣловался съ одной дамой, игравшей его племянницу. Но горько бѣдная женщина послѣ оплакала эту дьявольскую затѣю. Съ

другого-же почти дня Рымовъ закутилъ; начали ходить къ нему какіе-то пріятели, пили, читали, одинъ изъ нихъ даже безпрестанно падалъ на полъ и представлялъ какъ будто-бы умираетъ; не меньше другихъ ломался и самъ хозяинъ: мало того, что читалъ что-то наизусть, размахивалъ, какъ съумасшедшій, руками; но мяукалъ даже по кошачьи и визжалъ какъ свинья, когда ту рѣжутъ; на жену уже никакого не обращалъ вниманія и только бранился, когда она начинала ему выговаривать; уроки всѣ утратилъ; явилась опять бѣдность. Все это Анна Сидоровна имѣла еще силы перенесть, бранилась, конечно, иногда, и бранилась очень, но ей готовилось новое несчастіе: Рымовъ подрядился въ театральную труппу. Анна Сидоровна сначала и понять не могла хорошенько что это такое, но потомъ поняла, когда они переѣхали въ одинъ губернскій городъ, и поняла очень хорошо. Дня по два она сидѣла безъ обѣда, даже не зная, гдѣ мужъ обрѣтается; наконецъ, до нея дошли слухи, что онъ завелъ любовь съ одной актрисой, и этого ужь Анна Сидоровна не въ состояніи была перенесть и занемогла горячкой. Безразсудныя дѣянія Рымова и его служба на провинціальномъ театрѣ продолжались только одну зиму. Въ великій постъ онъ опомнился и началъ сидѣть дома, хотя дома едва только былъ насущный хлѣбъ. Оправившаяся Анюта взяла съ него клятву, чтобы онъ никогда и не думалъ играть на театрѣ.

Рымовъ поклялся. Одинъ изъ родственниковъ ея пріискалъ ему мѣсто въ питейной конторѣ. Не соображая того, что Виктору Павлычу уже сорокъ пятый годъ, Анна Сидоровна ревновала его къ

встрѣчной и поперечной, и даже, для этой цѣли, не держала ни одной женщины въ домѣ и сама готовила кушанье.

VII.

СПЕКТАКЛЬ.

Вождѣленный день представленія наступилъ. Аполлосъ Михайлычъ, Рымовъ и Юлій Карлычъ, отправились въ театръ, часа въ два по полудни, для должныхъ приготовленій. Декораціями и мебелью Дилетаевъ поручилъ распоряжаться Вейсборгу, давъ ему, конечно, подробную записку, что́ и когда нужно. Еще прежде того, онъ настоялъ, чтобы Никонъ Семенычъ сдѣлалъ своимъ музыкантамъ новыя синія куртки и хорошенько бы намылилъ голову капельмейстеру за лѣность. Прочіе актеры съѣхались часу въ пятомъ, и приведены были лакеи, закостюмированные въ разбойниковъ. Въ чуланѣ-уборной, нагрѣваемой тремя самоварами, сдѣлалось чрезвычайно тѣсно, и потому Аполлосъ Михайлычъ распорядился, чтобы Юлій Карлычъ и Мишель въ разбойничьи костюмы одѣлись заранѣе; первый, конечно, безпрекословно повиновался, а вторый, по обыкновенію, поспорилъ; но впрочемъ закостюмировался и даже сдѣлалъ себѣ обожженною пробкою усы, которые къ нему, по словамъ Дарьи Ивановны, очень шли. Наконецъ все, болѣе или менѣе, было приведено въ окончательный порядокъ. Аполлосъ Михайлычъ причесался и напудрился. Матрена Матвѣвна тоже причесалась, напудрилась и одѣлась въ бога-

тый, составленный по особому рисунку, костюмъ маркизы. Фани давно уже была готова.

Роковые семь часовъ приближались. Актеры начали испытывать волненіе: даже самъ Аполлосъ Михайлычъ былъ какъ-то встревоженъ. Матрена Матвѣвна очень боялась. Съ Фани была лихорадка. Комикъ сидѣлъ, задумавшись. Трагикъ ходилъ по сценѣ, мрачный; одинъ только Мишель любезничалъ съ Дарьей Ивановной. Засвѣтили свѣчи и кенкеты. Публика начала съѣзжаться, но, Боже мой! эта публика—неблагодарная публика, особенно въ провинціяхъ: затѣваетъ-ли кто для публики балъ даже изъ послѣднихъ средствъ своихъ, — и всѣ у него, кажется, напились, наѣлись, натанцовались, — и вы думаете, что всѣ довольны? ничуть не бывало.... непремѣнно что-нибудь найдутъ: одни скажутъ: очень было жарко, а другіе — холодно; однимъ показалась сыра рыба, другіе не довольны, что вина мало, третьи скучали, что ихъ хозяинъ заставлялъ танцовать, четвертые жаловались на монотонность, и очень немного осталось ныньче на свѣтѣ такихъ простодушныхъ людей, которые были бы довольны предлагаемымъ имъ отъ своего брата удовольстіемъ; но театръ уже по преимуществу подпадаетъ, какъ говорятъ, критикѣ. Я не знаю, что въ этомъ случаѣ руководствуетъ людей: зависть-ли, желаніе-ли выказать себя, или просто наклонность къ юмору, но только смертные очень склонны пересмѣять самыя прекрасныя, самыя безкорыстныя затѣи другого смертнаго, который и самъ, въ свою очередь, отплачиваетъ тѣмъ-же другимъ смертнымъ, и всѣ эти смертные поступаютъ, надобно сказать, въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно нелогически: сухо по-

клонится, напримѣръ, на балѣ, какому-нибудь Алексѣю Иванычу — нѣкій Дмитрій Николаичъ, котораго онъ безмѣрно уважаетъ, а онъ — Алексѣй Иванычъ нападаетъ на хозяина и говоритъ, что у него былъ, чортъ знаетъ, кто, и, чортъ знаетъ, какъ всѣ были приняты.

Въ описываемомъ мною спектаклѣ, только первые два или три ряда креселъ пріѣхали въ миротворномъ расположеніи духа, и то потому только, что они нѣкоторымъ образомъ были почтены хозяиномъ; но за то задніе ряды, съ перваго шагу, начали дѣлать насмѣшливыя замѣчанія. Одни говорили, что, вѣроятно, на сценѣ будутъ ткать; другіе, что Матрена Матвѣвна станетъ цѣловаться съ Аполлосомъ Михайлычемъ и, наконецъ, третьи, будто бы Фани протанцуетъ качучу, для легости, босикомъ.

Раёкъ для купечества и мѣщанства былъ гораздо простодушнѣе: все почти его народонаселеніе съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣло на колыхающійся занавѣсъ, испещренный амурчиками.

— Что это, Дмитрій Андреичъ, на ситцѣ-то за звѣрки? спросила одна купчиха у мужа.

— Это модный-съ рисунокъ. Особь-статьей, должно быть, такая матерія вышла, отвѣчалъ тотъ.

— Привелъ, сударь ты мой, меня Богъ нынѣшней зимой въ Москвѣ видѣть настоящій театръ. Махина, я вамъ объясню, необразимая: вся наша, може сказать, площадь уставится въ него. Одного ламповаго масла выходитъ на триста рублевъ въ день. А дровъ, то есть: отпускается на нѣсколько тысячъ, говорилъ толстый купецъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ, тоже купцу.

Въ отрицательномъ состояніи духа были, впро-

чемъ, и въ райкѣ. Это пьяный столоначальникъ.

— Ничего... ладно-съ... видали-съ... Скверно... нехорошо, оставь... молчать... говорилъ онъ тихонько про себя.

Были также миротворныя лица и въ заднихъ рядахъ дворянскаго круга, а именно Прасковья Ѳедуловна, ближайшая по деревнѣ сосѣдка Аполлоса Михайлыча. Она получила отъ него, по короткому знакомству, тоже билетъ на одну свою особу; но, не понявъ хорошенько, или, надѣясь на расположеніе хозяина, пріѣхала съ двумя дочерьми и тремя маленькими внучатами, и всѣхъ ихъ преспокойно разсадила около себя. Дочери, конечно, модничали, однако сидѣли смирно; но внучата тотчасъ же начали что-то болтать, указывать на все пальцами и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, самый младшій, заревѣлъ. Все это, можетъ быть, не было-бы и замѣчено; но дѣло въ томъ, что на занятыя этою семьею кресла пріѣхали лица, имѣющія на нихъ законные билеты. Произошелъ шумъ: Прасковьѣ Ѳедуловнѣ никакъ не могли втолковать незаконность ея поступка. Обстоятельство это было доведено до Аполлоса Михайлыча, который совсѣмъ уже одѣлся въ костюмъ виконта. Какъ ни непріятно было Дилетаеву выдти одѣтому на глаза публики, но дѣлать было нечего. Прикрывъ себя совершенно наглухо плащемъ, онъ вышелъ и урезонилъ наконецъ свою сосѣдку, которая, впрочемъ, обидилась и, оставивъ одну изъ своихъ дочерей, сама уѣхала домой съ прочими домочадцами.

Музыка заиграла французскую кадриль, и проиграла ее хотя съ извѣстными недостатками, но недурно. Раёкъ захлопалъ, вѣроятно потому, что

всякого рода музыкальные звуки, худы-ли они, или хороши, но на людей неизбалованныхъ, то есть, почти никогда не слышавшихъ музыки, производятъ нѣкоторое раздраженіе въ нервахъ, а этого и довольно...

«Уши хоть дерутъ, но хмѣльнаго въ ротъ не берутъ!» пропѣлъ басомъ, довольно громко, столоначальникъ, и покачнулся. Занавѣсъ взвился. Первое впечатлѣніе было превосходно. Представьте себѣ голубую комнату, устланную коврами, украшенную драпировкою, прекрасною мебелью, съ двумя серебряными канделябрами и съ попугаемъ въ клѣткѣ. На одномъ изъ креселъ сидѣла маркиза, въ своемъ пышномъ костюмѣ. Не вдалекѣ отъ нея, полуразвалясь, помѣщался виконтъ, въ бархатѣ, въ золотѣ и кружевахъ.

— Прелесть, безподобно, проговорили въ первыхъ рядахъ.

— Важно наряжены! послышалось въ амфитеатрѣ.

Матрена Матвѣвна, впрочемъ, очень сконфузилась, хотя передъ представленіемъ, по совѣту Аполлоса Михайлыча, и выпила цѣлую рюмку мадеры.

«Ахъ, да, всѣ говорятъ о васъ, виконтъ...» начала она и смѣшалась.

Аполлосъ Михайлычъ поблѣднѣлъ; но вдова поправилась и, потупивъ совершенно глаза, очень тихо докончила монологъ.

Отчетливо и бойко проговорилъ свои слова виконтъ. Маркиза опять немного смѣшалась, но проговорила. Такимъ образомъ все явленіе прошло не совсѣмъ живо и надобно сказать, что виной всему была одна Матрена Матвѣвна. Аполлосъ Михайлычъ употребилъ съ своей стороны все и

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ необыкновенно эффектенъ. Для перемѣны декораціи занавѣсъ былъ на нѣсколько времени опущенъ, и по поднятіи его, на сценѣ сидѣла уже Фани, въ своей бѣдной комнаткѣ. Она тоже немного сконфузилась; но явился виконтъ и все пошло безподобно. По окончаніи перваго дѣйствія, передніе ряды захлопали. Къ нимъ подсталъ по своему раёкъ, то есть, захлопалъ, закричалъ и застучалъ ногами; музыканты проиграли мазурку Хлопицкаго, и проиграли бы ее довольно хорошо, еслибы повѣса волторнистъ не раскашлялся, и вмѣсто того, чтобы отвернуться, онъ кашлялъ въ волторну, отчего та, конечно, и издала какіе-то странные звуки. Въ продолженіе антракта Аполлосъ Михайлычъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Матренѣ Матвѣвнѣ, и та поклялась не конфузиться больше и не сбиваться. Второе дѣйствіе сошло тоже хорошо. Правда, что хлопали мало: въ райкѣ слышалось сморканье и кашлянье, и въ непріязненныхъ заднихъ рядахъ нѣкто сказалъ, что Аполлосъ Михайлычъ похожъ на ощипаннаго павлина, а Матрена Матвѣвна на толстую индюшку, и что вся комедія, какъ сонные порошки, усыпляетъ. Подъ конецъ піесы, когда виконтъ упалъ на колѣни передъ гризеткою и началъ умолять ее о прощеніи, передніе ряды креселъ захлопали и къ нимъ опять подсталъ раёкъ. Но удивительнѣе всѣхъ штуку выкинулъ столоначальникъ, котораго хмѣль въ жару еще болѣе разобралъ. Онъ вскочилъ на лавку и закричалъ: «Браво, г-нъ виконтъ, браво! поди сюда, я тебѣ манжеты-то оборву.» Сидѣвшій въ креслахъ городничій тотчасъ же велѣлъ его вывести. Занавѣсъ опустился. Въ переднихъ рядахъ

произошло маленькое волненіе, и одинъ изъ посѣтителей отправился на сцену. Это былъ депутатъ, командированный просить у актеровъ позволенія ихъ вызвать. Аполлосъ Михайлычъ изъявилъ полное согласіе. По возвращеніи посланнаго, тотчасъ же раздался крикъ: «Дилетаева,» а потомъ: «Всѣхъ!» «Половину!» прокричалъ кто-то басомъ. Аполлосъ Михайлычъ вывелъ за руки Матрену Матвѣвну и Фаничку, и раскланялся. Это привѣтствіе публики значительно ободрило Дилетаева, который оставался не совсѣмъ доволенъ ходомъ своей комедіи. Затѣмъ слѣдовали, какъ мы знаемъ, сцены изъ *Женитьбы*. Музыка заиграла: *Не бѣлы то-ли снѣжки*. Явно, что эта пѣсня была по душѣ музыкантамъ, потому что они ее играли гораздо громче прочихъ піесъ. Райку должно быть тоже она понравилась, и онъ единодушно захлопалъ, но въ заднихъ рядахъ зашикали, и сидѣвшій на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, мужчина, обернувшись, сказалъ «музыкѣ не хлопаютъ-съ.»

Между тѣмъ, Дилетаевъ успѣлъ уже переодѣться изъ Виконта въ лакея. Онъ зачесалъ себѣ всѣ волосы напередъ, перемаралъ все лицо въ сажѣ, заправилъ брюки въ сапоги, и ко всѣмъ обращался, говоря «чово, тово, Ванюха,» желая, конечно, подлѣла́ться къ тону простолюдиновъ. Дарья Ивановна сидѣла съ Мишелемъ за самой задней декораціей, въ темномъ углу. Трагикъ для Кочкарева давно уже былъ готовъ. Онъ придѣлалъ себѣ усы и завилъ въ мелкія кольца волосы, утверждая, что Кочкаревъ непремѣнно долженъ быть кудрявый. Наконецъ, все было готово, занавѣсъ поднялся. Подколесинъ, какъ, можетъ быть, не

безъизвѣстно читателю, лежитъ одинъ на диванѣ. Удивительное дѣло, что̀ за смѣшной актеръ былъ Рымовъ. Едва только проговорилъ онъ начальныя слова: *«вотъ какъ подумаешь этакъ самъ-то съ собою, такъ и увидишь, что дѣйствительно надобно жениться... а то живешь, живешь, да такая наконецъ скверность становится...»* едва только произнесъ онъ эти слова, какъ все разразились хохотомъ. Не то, чтобы эти самыя слова его были очень смѣшны, но онъ самъ-то весь, физіономія-то его, была очень уморительна. Появился лакей. Аполлосъ Михайлычъ видимо старался смѣшить. Вошелъ онъ какимъ-то совсѣмъ дуракомъ, началъ почесываться, покачиваться; конечно тоже засмѣялись, но и перестали, и всѣ больше глядѣли на Рымова. Многіе, въ переднемъ ряду, рѣшительно не въ состояніи были видѣть его лица, хотя въ этомъ лицѣ не было ни одной гримасы; даже онъ не перемѣнялъ выраженія, а такъ лежалъ, какъ обыкновенно лежатъ лѣнивые люди, и отъ бездѣлья переговаривалъ съ лакеемъ, не посовѣтуетъ-ли тотъ чего-нибудь ему на счетъ женитьбы. Вбѣжалъ Кочкаревъ; и онъ, тоже, подобно лакею, старался играть: горячился, бѣгалъ, тормошилъ Подколесина; но не былъ смѣшонъ. Смѣхъ, конечно, не прерывался, но я долженъ прямо сказать, что производилъ его одинъ только Рымовъ. Задніе ряды креселъ хлопали ему на каждомъ словѣ. Сидѣвшій, въ числѣ ихъ, одинъ офицеръ отнесся къ своему сосѣду-помѣщику:

— Лучше бы этихъ старыхъ дураковъ совсѣмъ не пускали на сцену, а заставить бы играть одного этого хвата изъ питейной конторы. Кто онъ? Цѣловальникъ что-ли?

— Да, должно быть опытный малый... настоящій актеръ, отвѣчалъ тотъ. Посмотрите, mon cher, какое у него лицо смѣшное, а вѣдь нельзя сказать, чтобы фарсилъ.

— Совершенно не фарситъ, произнесъ офицеръ.

Послѣ перемѣны декораціи явилась невѣста. Она была тоже очень хороша и премило выбирала жениховъ. Вбѣжалъ Кочкаревъ, и тутъ ужь всѣ замѣтили, что Никонъ Семенычъ черезъ-чуръ утрируетъ, и надъ нимъ ужь никто не смѣялся; но появился Подколесинъ, и опять всѣ захохотали. Въ сценѣ съ невѣстой, онъ, если можно такъ выразиться, положилъ всѣхъ въ лоскъ; даже музыканты хохотали, и даже Дарья Ивановна и Мишель, выставившись изъ своего потаеннаго уголка, смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ, стоявшій за декораціею, безпрестанно хлопалъ комику. Затаивъ въ себѣ всякое чувство самолюбія, онъ говорилъ, что эти сцены у нихъ идутъ лучше, чѣмъ на Московскомъ театрѣ, и тотчасъ же проэктировалъ въ изобрѣтательной головѣ своей — почтить талантъ Рымова; но какимъ образомъ — мы увидимъ впослѣдствіи. Раздались крики: *Рымовъ!* Занавѣсъ, по приказанію Аполлоса Михайлыча, былъ поднятъ. Публика хлопала, но другихъ никого не вызывала. Трагикъ былъ взбѣшонъ.

— Я вамъ говорилъ, что я не умѣю играть вашихъ дурацкихъ фарсовъ. Очень весело дурачиться, сказалъ онъ Аполлосу Михайлычу, проходя въ уборную.

Фаничка съ какимъ-то благоговѣніемъ начала смотрѣть на Рымова. Дилетаевъ, съ чувствомъ сжалъ ему обѣ руки.

— У сердца моего, вы, батюшка, вотъ тутъ—у

сердца! говорилъ онъ, колотя рукою по груди. Мы оцѣнимъ вашъ талантъ. Можетъ быть, сегодня же чѣмъ-нибудь его почтимъ.

Комикъ, по обыкновенію, конфузился и сѣлъ въ самый дальній уголъ. Аполлосъ Михайлычъ вышелъ къ публикѣ. Его, конечно, сейчасъ окружили и начали привѣтствовать и хвалить.

— Каковъ комикъ? вотъ, что я хочу спросить васъ, господа! сказалъ онъ.

— Отличнѣйшій, произнесъ бѣлокурый господинъ: онъ, надо полагать, изъ настоящихъ актеровъ.

— Что актеры!... Всѣ актеры ему въ подметки не годятся, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. Я къ вамъ, господа, съ небольшимъ проэктомъ. Вы — наши цѣнители и судьи, и вы должны почтить талантъ. Неугодно ли будетъ вамъ, какъ дѣлается это въ Москвѣ, презентовать нашему Рымову какой-нибудь подарокъ. Я самъ съ своей стороны сдѣлалъ бы это сейчасъ-же; но я одинъ — не публика.

— То есть, какъ подарокъ? спросилъ одинъ помѣщикъ.

— А вотъ какъ-съ! Есть у меня цѣлковыхъ въ сорокъ накладнаго серебра ваза. Не угодно-ли вамъ будетъ сдѣлать подписку по бездѣлицѣ—по рублю или по полтиннику. Чего не достанетъ, я беру на себя, и потомъ сегодня за ужиномъ, къ которому я имѣю честь васъ пригласить, поднесемте ее нашему таланту — Рымову. Ему это будетъ очень лестно. Онъ человѣкъ весьма небогатый.

— Это очень возможно, проговорили многіе.

— Такъ не угодно ли вамъ взять вотъ эту бумажку и этотъ карандашикъ, и написать каждому,

кто сколько жертвуетъ. Въ раёкъ пускать нечего, а пусть подпишутся одни кресла. Если будетъ больше сорока рублей, это положимъ въ вазу, да и я еще прибавлю, и завтрашній-же день, даю вамъ честное слово, написать объ этомъ въ Москву. Пусть тамошніе меценаты смакуютъ да думаютъ, увидавъ, что и среди насъ есть таланты, которые мы тоже уважаемъ.

Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ передалъ бумажку съ карандашикомъ и скрылся. Онъ торопился одѣваться въ костюмъ разбойничьяго эссаула. Подписка тотчасъ-же началась. Съ удовольствіемъ, кажется, подписались немногіе. Иные смѣялись, другіе не понимали, въ чемъ тутъ дѣло и спрашивали, что это такое значитъ и, наконецъ, третьи подписались такъ, не зная, что это такое и для чего; впрочемъ, къ концу заднихъ рядовъ подписка простиралась уже до ста цѣлковыхъ: одинъ откупщикъ подмахнулъ пятнадцать рублей серебромъ.

Между тѣмъ музыка начала играть симфонію изъ *Калифа Багдадскаго.* Печально завывалъ капельмейстеръ; вторила ему, хотя немного отставая, флейта, играла съ душою віолончель; но и только: — вторая скрыпка, волторна и тамъ еще два какіе-то инструмента были ниже всякой посредственности, но впрочемъ проиграли. Никонъ Семенычъ былъ весьма недоволенъ: во-первыхъ, онъ полагалъ, что разбойниковъ въ заднихъ рядахъ будетъ гораздо больше; во-вторыхъ, они были одѣты вовсе не поразбойничьи, а въ какіе-то охотничьи казакины. Мишель, тоже очень небрежно замаскированный, никакъ не хотѣлъ, по назначенію трагика, лежать, а говорилъ, что онъ бу-

детъ стоять. Комикъ тоже долго отговаривался одѣваться стариннымъ подъячимъ, но Аполлосъ Михайлычъ его уговорилъ. Болѣе-же всего взбѣсило трагика то, что у лѣсной декораціи не было голубыхъ подзоровъ, а висѣли тѣже бѣлые. Какова-же будетъ картина волжскаго берега; вмѣсто неба — потолокъ, тогда какъ именно на эффектность картины онъ и разсчитывалъ. По случаю этихъ упущеній Никонъ Семенычъ много наговорилъ колкостей Аполлосу Михайлычу, который ему ничего не отвѣтилъ, а только махнулъ рукой. Какъ-бы то ни было, только картина составилась въ прежнемъ порядкѣ, съ тою только разницею, что вмѣсто судьи, въ позѣ спящаго разбойника, положенъ былъ всеисполняющій Юлій Карлычъ. Актеры, набраные изъ людей Дилетаева, были поставлены группою взади сцены. Для бо́льшаго эффекта Рагузовъ потребовалъ, чтобы при поднятіи занавѣса слышалась симфонія, и потому музыкантамъ снова повелѣно было играть. Въ половинѣ симфоніи, занавѣсъ поднялся. Картина была, кажется, довольно хороша: въ райкѣ послышалось нѣсколько аплодисментовъ. Музыка проиграла. Никонъ Семенычъ началъ; шло все очень твердо, такимъ образомъ и кончилось, по временамъ только смѣялись, но надъ Рымовомъ-ли, который сидѣлъ молча и не шевелясь, или даже надъ самимъ трагикомъ, я не могу рѣшить. По закрытіи занавѣса нѣсколько человѣкъ негромко захлопали — кто-то прокричалъ: *всѣхъ*, но скоро все смолкло. Аполлосъ Михайлычъ началъ спѣшить; онъ велѣлъ музыкантамъ скорѣе играть увертюру изъ Русалки; торопилъ, чтобы вносили на сцену фортепьяно, и наконецъ, упросивъ Дарью Иванов-

ну сѣсть за инструментъ, самъ поднялъ занавѣсъ. Выскочила Фани въ трико и воздушномъ костюмѣ. Всѣ захлопали.

— Важно барышня откалываетъ, произнесъ купецъ въ райкѣ.

Фани протанцовала, поклонившись всѣмъ съ улыбкою, какъ обыкновенно кланяются балетчицы, и убѣжала. Съ Дарьею Ивановной, Аполлосу Михайлычу опять были хлопоты. Проигравъ, она встала и ушла со сцены. Онъ едва умолилъ ее опять выдти и пропѣть свой романсъ. Модная дама нехотя вышла, сдѣлала гримасу и запѣла: раёкъ буквально разинулъ ротъ, кресла слушали внимательно. Дарья Ивановна, съ прежнею миною, встала и, не поклонясь публикѣ, ушла. Такимъ образомъ кончился спектакль, такъ давно задуманный и съ такимъ трудомъ составленный.

VIII.

УЖИНЪ АРТИСТОВЪ.

Всѣ кресла, приглашенные Аполлосомъ Михайлычемъ на ужинъ, отправились къ нему, актеры должны были выдти къ прочему обществу изъ заднихъ комнатъ. Такимъ образомъ дѣйствующія лица и зрители соединились: публика привѣтствовала и хвалила то того, то другого изъ игравшихъ. Ма̀тренѣ Матвѣвнѣ одна пожилая дама сказала, что она вовсе не узнала ее въ старинной прическѣ, и очень лестно отозвалась о ея прекрасномъ платьѣ на фижмахъ. Офицеръ благодарилъ Дарью Ивановну за доставленное ему наслажденіе своимъ небеснымъ голосомъ, которымъ она съ такимъ

*

чувствомъ пропѣла свою превосходную арію, и сравнилъ ее съ Асандри. Трагика расхвалилъ за его декламацію чудакъ Котаевъ. Даже Юлію Карлычу кто-то сказалъ, что онъ очень натурально представлялъ спящаго разбойника. Съ комикомъ немногіе говорили, потому что его никто почти лично не зналъ; откупщикъ впрочемъ потрепалъ его по плечу, проговоря: «вы не дурно комедіи разъигрываете, — право: я никакъ этого не предполагалъ!» Передъ Фани всѣ разсыпались въ комплиментахъ. Аполлосъ Михайлычъ вызвалъ нѣкоторыхъ поважнѣе, мужчинъ, въ кабинетъ, и что-то долго съ ними совѣщался. Наконецъ они вышли; впереди ихъ шелъ лакей съ подносомъ, на которомъ поставлена была накладнаго серебра ваза. Вся эта процессія прошла въ гостиную, въ которой вмѣстѣ съ прочими, сидѣлъ комикъ. Подносъ съ вазой поставленъ былъ на столъ.

— Согласно вашему желанію, господа, началъ хозяинъ торжественнымъ голосомъ, я вызываю нашего великаго комика... Викторъ Павлычъ! не угодно-ли вамъ подойти сюда, отнесся онъ къ Рымову.

Тотъ всталъ.

— Наша публика, продолжалъ Аполлосъ Михайлычъ, питая уваженіе къ вашему таланту, который всѣмъ намъ доставилъ столько удовольствія, желаетъ презентовать вамъ этотъ маленькій подарочекъ. Ваши товарищи тоже желали имѣть участіе въ этомъ дѣлѣ. Примите, мой милѣйшій! тутъ есть мое, Фани, Никона Семеныча, Юлія Карлыча, и наконецъ, отъ всей почтенной публики.

Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ опрокинулъ вазу, изъ которой посыпалось около сотни

цѣлковыхъ; потомъ, опять поставивъ ее на поднось, поднялъ все это и своими руками подалъ Рымову.

— Примите, мой безцѣнный, въ память нашего пріятнаго удовольствія, которое въ сердцахъ любителей останется навсегда запечатлѣннымъ, произнесъ Дилетаевъ и поцѣловалъ комика, который стоялъ какъ ошеломленный. Сначала онъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; руки, ноги и даже губы его дрожали, по щекамъ текли слезы.

— Господа! помилуйте... я не стою-съ... можетъ быть, вы желаете мнѣ, какъ бѣдному человѣку... я и такъ благодаренъ... къ чему это... бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— Сдѣлайте милость, примите, проговорили многіе изъ мужчинъ.

— Пожалуйста... мы всѣ желаемъ, сказали нѣкоторыя дамы.

— Вы всѣхъ насъ богаче, заговорилъ опять хозяинъ, у васъ на милліонъ таланту. Все наше— это лепта, которую мы хотимъ принести на олтарь искусства.

Рымовъ, наконецъ, взялъ, но рѣшительно не находился что ему дѣлать съ подаркомъ.

— Позвольте, я вамъ помогу, подхватилъ хозяинъ, и проворно уложивъ въ вазу всѣ деньги, велѣлъ Юлію Карлычу отнести ее въ залу и поставить на накрытый для ужина столъ.

— Пусть она, произнесъ онъ, за нашимъ артистическимъ ужиномъ будетъ напоминать Виктору Павлычу наше уваженіе къ его таланту.

Руководствуясь правдивостію автора, я долженъ здѣсь сказать, что при всемъ видимомъ единодушіи, съ которымъ была поднесена комику эта

ваза, при всемъ томъ, чтокаждый изъ гостей пожертвовалъ по-крайней-мѣрѣ рубль серебромъ, а нѣкоторые даже до десяти и болѣе цѣлковыхъ, но при всемъ этомъ произнесено было много насмѣшливыхъ и колкихъ, по этому случаю, замѣчаній: «Онъ бы лучше его самого послалъ съ тарелочкой сбирать,» говорилъ одинъ; «Дастъ же онъ завтра себя знать въ трактирѣ на эти денежки,» замѣтилъ другой. «Желательно знать что будетъ онъ дѣлать съ этой вазой?» спрашивалъ третій; «должно быть ерофеичъ настаивать или пуншъ варить,» отвѣчалъ онъ самъ себѣ. «Что это за глупыя выдумки — дарить вазу какому-то чудаку. Аполлосъ Михайлычъ совсѣмъ изъ ума выжилъ; я какъ подписывался, такъ и не понялъ ничего, «говорилъ одинъ помѣщикъ, разводя, въ недоумѣніи, руками. Но нѣтъ, мнѣ грустно передавать то, что было еще произнесено, и скажу только, что болѣе всѣхъ возсталъ Никонъ Семенычъ. Онъ увелъ даже хозяина въ кабинетъ и имѣлъ тамъ съ нимъ очень крупный разговоръ. Многіе гости слышали, какъ Рагузовъ восклицалъ: «какъ ты позволили назвать меня? Я вашъ не мальчикъ и не лакей—вы прежде должны были объ этомъ мнѣ сказать.» Слышавшіе все это гости догадались, что Никонъ Семенычъ не желалъ, по своему самолюбію, подносить вазы Рымову, и что Аполлосъ Михайлычъ наименовалъ его отъ себя безъ спросу. Трагикъ и хозяинъ вышли изъ кабинета очень красны: первый былъ въ совершенномъ волненіи и во всеуслышаніи сказалъ, что вазы онъ не подносилъ и никогда-бы не поднесъ, потому что Аполлосъ Михайлычъ скоро заставитъ кучерамъ своимъ дарить вазы. Эти слова трагикъ го-

ворилъ такъ громко, что комикъ, хотя и сидѣлъ въ гостиной, но вѣроятно ихъ слышалъ, потому что, разговаривая въ это время съ Фани, которая усѣлась уже около него, онъ вдругъ, при восклицаніи Рагузова, поблѣднѣлъ и остановился. Никонъ Семенычъ, разстроенный и взбѣшенный, сѣлъ къ столу и началъ играть ножемъ.

— Вѣроятно ему самому хотѣлось вазы, замѣтилъ одинъ господинъ.

— Должно быть! отвѣчалъ разговаривающій съ нимъ; горячь — косой заяцъ, прибавилъ онъ.

Передъ ужиномъ, какъ водится, была подана водка. Лакей поднесъ ее между прочимъ и къ Рымову. Комикъ смотрѣлъ нѣсколько времени на судокъ съ нерѣшительностію; наконецъ, проворно налилъ себѣ самую большую рюмку и залпомъ выпилъ ее. Сѣли за столъ. Рымовъ очутился противъ Никона Семеныча. Ужинъ до половины шелъ какъ слѣдуетъ и былъ довольно молчаливъ. Хозяинъ первый заговорилъ во всеуслышаніе:

— Я думаю написать и напечатать о нашемъ спектаклѣ подробный критическій разборъ. Это необходимо: мнѣ, по преимуществу, хочется это сдѣлать для васъ, Викторъ Павлычъ. Я полагаю, что послѣ моей статьи, васъ непремѣнно вызовутъ на столичную сцену, потому что я прямо напишу, что у насъ есть европейскій талантъ, которому необходимо дать ходъ.

Но Викторъ Павлычъ на эти лестныя слова хозяина не обратилъ должнаго вниманія, а занятъ былъ въ это время довольно страннымъ дѣломъ: онъ безпрестанно пилъ мадеру и выпилъ уже цѣлую бутылку. Хозяинъ замѣтилъ, переглянулся съ Юліемъ Карлычемъ, который очень сконфузился.

— Вдругъ мы услышимъ, продолжалъ Аполлосъ Михайлычъ, снова обращаясь къ комику, что нашъ господинъ Рымовъ дебютировалъ и что аплодисменамъ не было конца. Недурно бы было, а?

— На шутовскія роли и безъ того тамъ много, проговорилъ въ полголоса трагикъ.

— На какія шутовскія роли? заговорилъ вдругъ Рымовъ, обращаясь къ нему. Лицо комика уже совершенно измѣнилось: онъ былъ красенъ и глаза его налились кровью.

— На ваши роли, отвѣчалъ Никонъ Семенычъ, не поднимая головы.

Комикъ посмотрѣлъ на него свирѣпо.

— Вы, что-ли, играете нешутовскія? произнесъ онъ, доставая себѣ новую бутылку мадеры.

— Пейте лучше мадеру, сказалъ насмѣшливо трагикъ.

— Конечно выпью-съ, отвѣтилъ комикъ, и наливъ себѣ стаканъ, вдругъ всталъ. За здоровье нашего бездарнаго трагика, произнесъ онъ и залпомъ выпилъ. Аполлосъ Михайлычъ поблѣднѣлъ, нѣкоторые фыркнули. Трагикъ вскочилъ.

— Милостивый государь! проговорилъ онъ, сжимая столовый ножъ въ рукѣ. Комикъ откинулся на задокъ стула.

— Испугать меня хотите своимъ тупымъ ножемъ. Махай, махай, великій Тальма, мечемъ кардоннымъ! продекламировалъ Рымовъ и захохоталъ.

— Викторъ Павлычъ, сдѣлайте милость, что вы такое позволяете себѣ говорить, заговорилъ наконецъ хозяинъ. Никонъ Семенычъ, будьте хоть вы благоразумны, отнесся онъ къ трагику.

Никонъ Семенычъ пришелъ нѣсколько въ себя

и сѣлъ. Но Викторъ Павлычъ не унимался. Онъ еще выпилъ стаканъ и продолжалъ какъ бы самъ съ собою разсуждать:

— Актеры!... театръ... комедіи пишутъ, драмы сочиняютъ, а ни уха ни рыла никто не разумѣютъ. Тутъ вотъ есть одна — Богомъ мѣченная, вонъ она! произнесъ онъ, указывая пальцемъ на Фани.

Хозяинъ только пожималъ плечами. Онъ рѣшительно растерялся. Трагикъ старался улыбнуться. Нѣкоторые изъ гостей, подобно хозяину, пожимали плечами, а другіе потихоньку смѣялисъ. Мишель, въ досаду дядѣ, хохоталъ во все горло. Юлій Карлычъ чуть не плакалъ.

— Господинъ Рымовъ, замолчите! вмѣшался наконецъ откупщикъ. Вы забываете, въ какомъ обществѣ сидите; здѣсь не трактиръ.

— А вамъ что угодно? произнесъ Рымовъ совершенно уже пьянымъ голосомъ. И вамъ можетъ быть угодно сочинять комедіи, драмы.... пасторали.... ничего, мой повелитель, я васъ ободряю, ничего! Классицизмъ, чортъ возьми, единство содержанія, любовница въ драмѣ!... валяйте! Грамотѣ только надобно знать потверже. Грамотѣ-то, канальство, только подписывать фамилію умѣемъ; трухъ, трухъ, и подписалъ! проговорилъ онъ и провелъ зигзагами рукою по тарелкѣ, вѣроятно, представляя, какъ откупщикъ подписывается. Тотъ конечно вышелъ изъ себя.

— Извольте идти сей-часъ же вонъ! сказалъ онъ. Аполлосъ Михайлычъ, извините меня: онъ мой подчиненный, я его сей-часъ велю вывести.

— Господа, помилуйте, сдѣлайте милость, началъ Аполлосъ Михайлычъ плачевнымъ голосомъ.

Господинъ Рымовъ, образумтесь, почувствуйте хоть, покрайней-мѣрѣ, благодарность къ обществу, которое васъ такъ почтило. Это ни на что не похоже. Юлій Карлычъ уговорите его: вы его намъ рекомендовали. Но Юлій Карлычъ, обращаясь, то къ тому, то къ другому, ничего уже не въ состояніи былъ и говорить.

— Что́? благодарность? За вазу, что-ли? заболталъ опять комикъ. Охъ вы, богачи! что вы мнѣ милостинку, что ли, подали? Хвалятъ туда же. Меня Михайло Семенычъ хвалилъ, меня самъ геній хвалилъ, понимаете-ли вы это? али только умѣете дурацкія комедіи да драмы сочинять?

На этомъ мѣстѣ Дилетаевъ не выдержалъ. Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ откупщику и, переговоривъ съ нимъ нѣсколько словъ, ушелъ въ кабинетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ двое лакеевъ подошли къ Рымову и начали его брать подъ руки.

— Вамъ что надобно, скоты! проговорилъ онъ, совершенно уже пьяный; но лакеи проворно подняли его со стула. Прочь! кричалъ онъ, толкаясь: актеры! писатели! всѣхъ я васъ, свинопасовъ, презираю... Прочь!... Но лакеи тащили, и далѣе затѣмъ, словъ его уже не было болѣе слышно, потому что онъ былъ выведенъ на улицу. Такое непріятное и непредвидимое обстоятельство до того разстроило хозяина, что онъ болѣе получаса не въ состояніи былъ выдти изъ своего кабинета. На гостей оно подѣйствовало различно: одни смѣялись, другіе жалѣли Аполлоса Михайлыча и, наконецъ, третьи обвиняли его самого, и даже оскорблялись, какъ онъ позволилъ себѣ пригласить подобнаго человѣка въ ихъ общество. Послѣдніе выговаривали даже Юлію Карлычу, ко-

торый первый рекомендовалъ комика. Трагикъ смѣялся надъ хозяиномъ злобнымъ смѣхомъ. Ужинъ кончился кое-какъ. Аполлосъ Михайлычъ, наконецъ вышелъ къ гостямъ и началъ просить извиненія въ случившейся непріятности, которой конечно онъ никакъ не могъ ожидать, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ на обсужденіе общества вопросъ: что дѣлать съ вазой? по послѣднему своему поступку, Рымовъ, какъ человѣкъ, не только не стоилъ подобнаго вниманія, но даже долженъ быть презрѣнъ, а съ другой стороны, какъ актеръ, онъ заслужилъ ее, и она ему была уже подарена. Нѣкоторые говорили, чтобы пренебречь и отдать ему вазу, которая была ужь его собственность, другіе же отрицали, говоря, что этимъ унизится общество. Аполлосъ Михайлычъ обратился къ откупщику. Тотъ объявилъ что ему все равно, но что онъ самъ накажетъ Рымова тѣмъ, что выгонитъ его изъ службы.

— И такъ, господа, какъ человѣкъ, онъ будетъ наказанъ, а какъ актеру пошлемъ ему вазу, рѣшилъ хозяинъ, и тотчасъ-же велѣлъ нести вазу съ деньгами къ Рымову.

Трагикъ во всемъ этомъ не принималъ никакого участія, потому что все это было, какъ онъ выражался, гадко и глупо. Одна только Фани жалѣла Рымова: она даже потихоньку вышла спросить къ лакеямъ, какъ они его довели. Тѣ объявили, что они довели его хорошо и сдали женѣ, которая его заперла въ чуланъ. Анна Сидоровна, дѣйствительно, была уже въ городѣ и, мучимая ревностію, весь вечеръ стояла у театра и потомъ у дома Аполлоса Михайлыча. Увидѣвъ, что изъ воротъ вывели человѣка, который барахтался и ругался, она

тотчасъ догадалась, кто это, и побѣжала вслѣдъ за нимъ. Дома она дѣйствительно его заперла въ чуланъ. Это былъ единственный способъ вытрезвлять Рымова.

IX.

Не знаю, заинтересовалъ ли я читателя выведенными мною лицами па столько, чтобы онъ пожелалъ знать дальнѣйшую судьбу ихъ, но все-таки рѣшаюсь объяснить, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описаннаго спектакля, Аполлосъ Михайлычъ женился на Матренѣ Матвѣвнѣ, и послѣ этого, какъ разсказываютъ, совершенно утратилъ любовь къ театру, потому что супруга его неожиданно обнаружила, подобно Аннѣ Сидоровнѣ, отвращеніе отъ этого благороднаго занятія, и даже будто бы въ настоящемъ театрѣ она участвовала изъ одного только кокетства, съ цѣлію завлечь старика, который, въ свою очередь, женившись, сдѣлался какъ-то задумчивѣй и угрюмѣй, переѣхалъ совсѣмъ въ деревню, началъ заниматься агрономіею и писать въ этомъ родѣ статьи. Матрена Матвѣвна видимымъ образомъ осталась тою же: то есть, бойкою, веселою дамою и большою говоруньею. По замѣчанію всѣхъ, она была очень нѣжна къ мужу и даже ревнива, потому что прогнала всѣхъ молоденькихъ горничныхъ, а набрала, вмѣсто нихъ, старыхъ, безобразныхъ и совершенно непривычныхъ. На Фаничкѣ женился Никонъ Семенычъ, и это дѣло устроила Матрена Матвѣвна, которая очень ловко умѣла влюбить Рагузова въ племянницу и заставила ту согласиться. Фаничка, вышедъ замужъ, то-

же разлюбила театральное искусство: она даже всякій разъ блѣднѣла и краснѣла, когда мужъ ея пачиналъ читать что-нибудь драматическое. Дарья Ивановна, послѣ спектакля, очень ужь подружилась съ Мишелемъ, такъ что за нею пріѣзжалъ мужъ и увезъ ее съ собою въ деревню. У Юлія Карлыча, не смотря на слабое здоровье жены, родился еще сынъ и онъ еще болѣе началъ нуждаться въ средствахъ. А комикъ мой... Богъ его знаетъ что и сказать о немъ... выгнанный за послѣдній свой поступокъ откупщикомъ изъ службы, онъ, говорятъ, былъ опять нѣкоторое время на провинціальномъ театрѣ, потомъ служилъ у становаго пристава писаремъ и наконецъ теперь уже нѣсколько лѣтъ содержится въ съумасшедшемъ домѣ.

1851 г.
Апрѣля 18.

На **ПОЛГОДА** уплачивается половина означенныхъ цѣнъ.

За музыкальныя приложенія прибавляется къ годовымъ цѣнамъ журнала **4 руб. сер.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «Русскій Міръ», въ музыкальномъ магазинѣ **Ѳ. Стелловскаго,** поставщика Двора **Его Императорскаго Величества,** въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27.

Въ книжномъ магазинѣ **Базунова,** на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, у Казанскаго моста.

Въ **Москвѣ:** въ магазинахъ — книжномъ Базунова и музыкальномъ — Ленгольда. Редакторъ **А. Гіероглифовъ.**

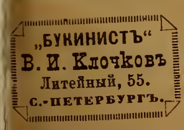
ОБЪ ИЗДАНІИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Съ 1861 г. предпринято нами изданіе **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“.** Цѣль этого изданія — совмѣстить въ немъ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какого-либо сочиненія, вышедшаго изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы, — то настоящіе издатели, желая наивозможно болѣе удешевить изданіе **„ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ“,** предприняли печатаніе онаго, подобно таковымъ же заграничнымъ изданіямъ, — въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія сочиненій русскихъ авторовъ не будетъ соблюдаемо хронологической постепенности, а сначала будутъ

издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ.

На изданіе „СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ"

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ **Три** руб. сер. за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска «Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія, (35—50 листовъ каждый) уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 к. сер. а съ пересылкою по почтѣ 2 руб. въ отдѣльной же продажѣ каждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. За тѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ авторовъ», выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

....

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ» по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб., безъ уплаты впередъ трехъ. рублей, — предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и кромѣ того: 1) военно-учебнымъ заведеніямъ, полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ; 2) учебнымъ заведеніямъ Духовнаго Вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, между прочимъ: женскимъ гимназіямъ, уѣзднымъ училищамъ и проч. 3) женскимъ институтамъ, кромѣ содержимыхъ частными лицами; 4) сельскимъ и уѣзднымъ библіотекамъ; 5) училищамъ и учебнымъ заведеніямъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ и 6) Всѣмъ подписывающимся съ 1861 года на издаваемый нами журналъ «Русскій Міръ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **С. Петербургѣ:** Въ конторѣ издателя, при музыкальномъ магазинѣ Ѳ. Стелловскаго, поставщика Двора **Его Императорскаго Величества,** въ Большой Морской въ домѣ Лауферта № 27.

Въ **Москвѣ:** Въ магазинахъ — книжномъ Базунова и музыкальномъ — Ленгольда.

Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ С. Петербургъ, въ главную контору издателя.